

Кондор

Сергей Семенов

Темный странник

2007

Семенов С.

Темный странник / С. Семенов — 2007 — (Кондор)

Бродят по свету Темные странники, обладающие нечеловеческой силой и нечеловеческими способностями. Подчиняются они одному лишь Закону, данному Великим отшельником. Но кто они, эти странники? И кто правит ими? Придет время, и все откроется...

Содержание

ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	21
ГЛАВА 4	24
ГЛАВА 5	30
ГЛАВА 6	35
ГЛАВА 7	39
ГЛАВА 8	44
ГЛАВА 9	50
ГЛАВА 10	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Сергей Семенов

Темный странник

*Мы живем, потому что Надежда обращается к Памяти, и обе
нам лгут.*
Д. Байрон

Меня зовут Кондор. Кондор Артоволаз.

До недавнего времени мое имя являлось тем немногим, что я мог с уверенностью сказать о себе, ибо все остальное было скрыто от меня за неприступной стеной неведения и забвения, возведенной в моем сознании по воле высших, неизвестных мне сил. Боги, которым, наверное, это было угодно, сыграли со мной злую шутку.

Каждый, кто ищет ответы, рано или поздно находит их – так говорили мне мудрецы. Если бы они только знали, как тяжело по прошествии шестидесяти лет удержаться и не впасть в отчаяние, осознавая, что разгадка тайны все так же далека от тебя, как и в момент рождения.

Да, недавно мне исполнилось шестьдесят. Я родился более полувека назад. В году тысяча триста тридцать девятом. И рожден я был совсем не так, как рождаются люди.

У меня никогда не было родителей. Это странно, но это именно так. Я родился в безмолвии и тишине, а единственным чувством, наполнявшим меня в момент появления на свет, было леденящее, полное отчаяния опустошение. Долго, очень долго я стоял и слушал тишину, окружавшую меня, пытаюсь осознать, кто я и зачем появился в этом мире, вглядываясь в унылый пейзаж бескрайней соленой пустыни Ршанд, недалеко от побережья Проклятого моря. Я был взрослым мужчиной, на вид лет тридцати – с тех пор я совсем не постарел, – в странной одежде и не менее странной обуви. В правой руке я крепко сжимал тяжелый боевой посох, ставший моим верным спутником на долгие-долгие годы. Рядом со мной, сложив лапы и свернув щупальца, внимательно оглядывая безжизненную белую даль, сидел мой преданный гарплед, к сожалению, не способный объяснить, что же произошло и как мы с ним оказались здесь. Возможно, в его памяти, как и в моей, зиял такой же черный провал, хотя, может быть, он знал и помнил все, но, увы, не мог говорить. Ведь он был всего лишь моим псом.

Да, именно так я появился на свет и, присмотревшись, не обнаружил никаких следов, которые указывали бы, откуда я прибыл сюда, кроме тех двух отпечатков, что промяли в искрящихся кристаллах соли мои собственные ступни.

Что я знал, когда впервые открыл глаза и вдохнул едкий воздух этого безжизненного места? Немного. Практически ничего. Мое имя, имя гарпледа и то, что я не человек. Кто? На этот вопрос у меня нет ответа, как не было и тогда. Демон, ангел, проклятый, святой, кто-то еще. Но точно не человек.

Я обладаю невероятной силой и выносливостью, практически нечувствителен к боли, холоду, огню. Мой желудок без труда и каких-либо последствий для организма переваривает сильнейшие яды, моя реакция поражает воображение, а самые серьезные раны затягиваются без следа в течение одних-двух суток. Впрочем, такую рану еще надо исхитриться получить, ибо моя кожа прочностью не уступает стальным доспехам, и лезвие острейшего клинка просто скользит по ней, не причиняя вреда. Еще я вижу в темноте, дышу под водой, могу невероятно долгое время обходиться без воды и пищи.

Да, я не человек. И, как выяснилось позже, я вовсе не одинок. Отнюдь не одинок. Не уверен, знает ли кто-либо точную цифру. Десятки, сотни, тысячи? Сколько всего потерянных душ, таких, как и я, рожденных однажды на безжизненных берегах Проклятого моря, скитается по свету в поисках ответов на вопросы, одинаковые для всех. Кто мы? Откуда мы? Зачем мы

здесь? За годы странствий я повстречал немало подобных себе, но ни один из моих собратьев так и не смог отыскать вожаемых истин. Быть может, их не существует вообще.

Мы – Странники. Темные странники. Так когда-то прозвали нас люди, посчитавшие, что только тьма, непостижимая и пугающая, была способна породить наш проклятый род. Но мы вовсе не тьма, не проклятие этого мира. Мы не несем людям зла, никогда не наносим удар первыми, но всегда отвечаем достойно, и горе тому, кто решил бросить вызов одному из нас. Впрочем, подобных безумцев находится очень мало. В основном лишь те немногие, кто забыл или не слышал легенды о нас.

Итак, с момента моего появления в этом мире минуло более полувека. Отчаяние вошло в привычку, неизвестность перестала тяготить. Но теперь, по прошествии шестидесяти лет, я, совершенно неожиданно, получил свой шанс узнать истину. Моя размеренная и спокойная жизнь рухнула в одночасье. Много, очень многое случилось в последние дни. То были дни схваток, боли и потерь, которые я не забуду уже никогда. И у меня хватило сил пройти этот путь до конца. Сейчас я нахожусь всего в шаге от истины. И моя обожженная, покрытая кровавой коростой рука сжимает не боевой посох, а тяжелую импульсную винтовку, уже практически разряженную, но еще способную забрать немало жизней, а в голове продолжают шептать голоса моих погибших друзей: «Ты должен дойти!» И я дошел. Я знал, что здесь я встречу того, кто даст ответы на все мои вопросы. Но я никогда не думал, что буду так ненавидеть человека, стоящего сейчас передо мной.

Я – Кондор Артоволаз.

Я – Темный странник.

И это – история моего пути.

ГЛАВА 1

Сильный толчок в грудь заставил ее пробудиться от беспокойного сна. Миала открыла глаза, испуганно прислушиваясь к оглушительному стуку собственного сердца. Сознание било тревогу, причины которой пока еще были неясны. Но, даже не видя прямой угрозы, Миала знала – что-то произошло. Что-то ужасное, и страх своими цепкими паучьими лапами уже сжал в объятиях ее маленькую трепещущую душу. Она не могла вспомнить точно, сколько раз за двадцать пять лет своей жизни просыпалась вот так – с чувством всепроникающего, непреодолимого, ледящего ужаса. Раз или два, не больше. Каждому хотя бы однажды суждено испытать это тяжелое, давящее чувство, способное играючи сокрушить любую, даже самую неприступную цитадель разума, и в такой момент безумного пробуждения трудно определить четкую грань между реальностью и сном. В одно мгновение беспощадный ужас вероломно врывается в душу, наполняя ее смятением. А потом, спустя какое-то время, проведенное среди влажных простыней, рассудок вновь берет верх над внезапным безумием, и становится ясно, что бояться нечего, ибо это был всего лишь дурной сон. Вот и сейчас это был просто нелепый ночной кошмар. Просто сон.

Но сон ли?

Чувство, что все произошло на самом деле и внезапный, необъяснимый ужас реален, не желало покидать женщину. Случилось что-то страшное. Кошмарное. Что-то настолько чудовищное, что даже во сне она почувствовала угрозу.

С огромным трудом пересиливая свой страх, Миала тихонько, стараясь не шуметь, приподнялась и повернулась к мужу. Постель оказалась пустой. Ничего удивительного. Муж был любителем частых ночных рейдов на кухню, где самозабвенно предавался своему любимому увлечению – «набегу на холодильник». И не имело значения, сколь плотным был его ужин.

– Кир, – позвала она негромко, но ей ответила лишь шемая тишина.

Впрочем, не совсем так. Где-то рядом, возможно, за окном, капала вода.

– Кир, ты на кухне? – заметно осмелев, повысила голос Миала.

И вновь ответом ей послужил только монотонный стук воды о металл:

Дум-м, дум-м, дум-м.

Холодный звук. Страшный звук. Мертвый звук.

Чем-то пахло. Миала принялась, стараясь определить, чем именно. Запах подвальной сырости и аромат цветов. Станный запах. Необычное сочетание, словно их домашний ароматизатор воздуха вышел из строя, начав синтезировать самые непредсказуемые ароматические формулы.

Дотянувшись рукой до стола, Миала нащупала выключатель ночника. Раздался негромкий щелчок, но комната так и осталась погруженной во тьму. Ей снова стало не по себе.

– Кир! – еще громче окликнула она мужа.

Дум-м-м, – ответила ей капля воды.

Паника стальным обручем охватила мозг. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, вот-вот пробьет ребра и выпрыгнет из груди.

– Ты на кухне? – Миала встала. Пол оказался влажным, даже сырым. Ковер пропитался водой насквозь, под ногами неприятно хлюпало. Переборов истерическое желание запрыгнуть назад в постель и укрыться с головой одеялом, прячась от неизвестности, Миала на ощупь пошла на кухню. «Всему должно быть разумное объяснение», – успокаивала она себя. Наверное, где-то протек водопроводный кран или прорвало трубу, и Кир, не желая среди ночи вызывать сантехника, спустился в подземный гараж за инструментами. Да, очевидно, так оно и есть.

Внезапно ее рука наткнулась на что-то шершавое и мокрое. Ветки?! Именно ветки! Миала ничего не видела в крошечной тьме, окружавшей ее, но могла поклясться, что необыч-

ный предмет, торчавший из стены, больше всего напоминал ветви дерева, влажные после дождя. Но откуда они здесь?! Что за глупая шутка?!

Еще один выключатель. Щелчок. Ничего. Все та же холодная темнота.

Дум-м. Дум-м. Дум-м.

Мало того что их затопило. Где свет, хотелось бы знать?

Слепо натываясь на предметы, Миала вернулась к столу, где в верхнем ящике без особого труда отыскала карманный фонарик, пластмассовая поверхность которого, как, впрочем, и все вокруг, оказалась скользкой от влаги. Опасаясь, что и фонарь окажется неисправным, она, робея, нажала кнопку включения. Спасибо тебе, Господи! Яркий голубоватый луч прорезал ночную тьму, разгоняя по углам испуганные тени. И сердце тут же забилося ровнее. Фонарь в ее руке казался сейчас рукояткой волшебного меча, способного одолеть самые мрачные кошмары ночи.

Миала огляделась. Что-то странное произошло с ее квартирой. Не просто прорыв водопровода. Нечто большее. И страшное. Всю левую стену комнаты, часть коридора, пол, потолок и даже настенную полку покрывала омерзительная зеленая плесень, посверкивающая изумрудными блестками в лучах света. Из правой стены, на уровне ее груди, торчали несколько вполне настоящих, изогнутых вверх ветвей неизвестного Миале дерева, листья которого длинными грязно-бурыми нитями свисали вниз до самого пола, живым занавесом закрывая проход в коридор. Это было необычно, даже красиво, но в то же время казалось просто чудовищным. Ветви не просто крепились к стене. Они РОСЛИ из нее, являлись ее частью!

– Кир! – отчаянно крикнула Миала.

У-у-ы-ы... – Новый звук, глухой и пугающе близкий заставил ее вздрогнуть. Женщина едва не выронила фонарь, луч света бешено заплясал по оскверненным плесенью стенам.

– Что это? – прошептала, обращаясь в пустоту, Миала и тут же до боли закусила нижнюю губу.

Изъеденное червем страха воображение моментально нарисовало в воспаленном мозгу образ омерзительного и смертоносного монстра, рыщущего в данный момент по ее квартире в поисках свежего человеческого мяса. И сейчас, когда она так опрометчиво выдала себя, он приближается, уже учуяв заветную добычу.

Бред? Возможно. Но что тогда означают ветви дерева, в одночасье выросшие из стены. Тоже бред? А может, всего лишь галлюцинации?

Свободной рукой Миала коснулась одной из ветвей, осторожно провела по ней дрожащими пальцами. Мокрая, холодная, шершавая. Слишком, слишком реальная для миража, если, конечно, не принимать на ночь сильных галлюциногенов.

– Дьяволыщина, – вырвалось у женщины, которая, как ни силилась, не могла понять, что происходит.

Если это чья-то злая шутка, то совсем не смешно. А если нет... Надо вооружиться, прежде чем продолжить осмотр дома. Стараясь не шуметь, пятась, чтобы не выпускать из поля зрения коридор, заросший странной растительностью, Миала обогнула кровать и открыла нижний ящик встроенного в стену бельевого шкафа. Здесь, меж аккуратно сложенных простыней лежал ее электрошоковый пистолет с ласковым названием «Элли-79». Это в прямом смысле слова сногшибательное оружие, стреляющее реактивными электродротиками, одним выстрелом посылало в нокаут любого человека и являлось, по сути, основным вооружением уличных полицейских. Два года назад, когда в городе с новой силой разгорелась война уличных банд, вечно грызущихся из-за раздела территорий, каждый здравомыслящий гражданин поспешил обзавестись такой игрушкой в целях собственной безопасности, моментально обогатив компанию-производителя. Пневматические многозарядные шокеры системы «Элли» вмиг приобрели огромную популярность. Объяснялось это очень просто – так как огнестрельное оружие вот уже двадцать лет как было запрещено законом и его ношение каралось смертной казнью

(мера весьма радикальная, но и столь же эффективная), у людей остался небогатый выбор: либо «Элли», либо один на один с подонками и наркоманами, плюющими на все законы и вооруженными до зубов. Шокер по крайней мере сравнивал шансы жертвы и нападавшего, а подчас и давал преимущество. Обычная пуля, не попавшая точно в цель, только ранила, раздражая и еще больше озлобляя преступника, ведь многие нападавшие, наглотавшись наркотиков, вообще не чувствовали боли. А «Элли», угодив даже в палец ноги, вызывал мгновенный паралич всего тела, сколь бы сильно оно ни было пропитано наркотической дрянью. Миала еще ни разу не применяла свое оружие в деле, но отлично умела им пользоваться, проведя несколько недель в специализированном тире «Для домохозяек» на курсах по самообороне. Вот теперь, наконец, она получила свой шанс использовать приобретенный опыт обращения с пистолетом. Уж лучше бы его не было!

Взяв оружие в руку, женщина первым делом извлекла обойму, чтобы убедиться в наличии патронов. Полная. Двенадцать продолговатых капсул с иглами-контактами на закругленных концах. Все в порядке. Можно продолжать осмотр дома.

Уверенным движением вогнав обойму в рукоятку пистолета и передернув затвор, Миала смело, но осторожно – осторожность не помешает никогда – направилась в коридор. Задержавшись перед занавесом, создаваемым свисающими с ветвей дерева лентовидными листьями, женщина с огромным трудом подавила в себе желание выкрикнуть угрожающе-предупредительное: «У меня пистолет». Это было лишним. Если за занавесом притаилось жуткое чудовище, жаждущее отведать человеческой крови, вряд ли подобная фраза всерьез напугает его. Оно слопаёт свою жертву вместе с пистолетом, и электродротики вызовут у твари разве что приступ икоты, пока будут перевариваться в ее желудке. Если же на кухне притаился маньяк или грабитель, чего тоже не стоило отрицать, то зачем давать ему шанс подготовиться к встрече с вооруженным хозяином дома. Нет уж. Пусть лучше пистолет в руках Миалы окажется для него неприятным сюрпризом. По крайней мере, так она, возможно, успеет выиграть несколько драгоценных секунд, которые позволят ей сделать один точный выстрел.

«Ну ладно, наркоманы и чудовища. Я иду!»

Миала осторожно раздвинула живую штору и, шагнув за нее, замерла, в ужасе созерцая картину, представшую ее взору. В первую секунду женщина даже не поняла до конца, что выхватил из темноты яркий луч ее фонарика, но когда с каменеющим сердцем она вгляделась в хаос ветвей и листья, царивший перед ней, голос ее сорвался на сиплый, отчаянный стон:

– Не-э-эт!

Коридора больше не существовало. Прямо посреди него росло из пола огромное ветвистое дерево, ствол которого был не менее метра в диаметре, а толстые, изогнутые ветви расходились во все стороны, исчезая в стенах и снова появляясь из них. Ствол этот явно начинался многими этажами ниже, где наверняка был значительно толще. Словно, начав расти в подвале, дерево с легкостью пробило себе дорогу сквозь бетонные перекрытия, миновало пять нижних этажей здания, «отметилось» в квартире Миалы и продолжило свой путь дальше вверх. Но ужасало Миалу не это. Другое...

Среди ветвей и листьев стоял Кир, ее муж! Стоял, вросший спиной в кору чудовищного дерева. Руки и левая нога у него остались свободными, но вот правая по колено увязала в древесине. Мелкие веточки росли прямо сквозь его тело, торчали из груди, живота, шеи и даже из раскрытого рта. Но самым страшным оказалось то, что Кир все еще был жив! Ветвь в горле мешала ему говорить, и, увидев жену, он вновь издал омерзительные звуки, выворачивающие наизнанку сознание Миалы.

– У-у-у-э-э-й!

Невнятный крик несчастного мученика, переполненный мольбой и болью.

– М-м-е-е-я-я!

Трясущиеся руки, покрытые зеленой слизью и плесенью, потянулись к ней, моля о спасении, и женщина, поняв свою беспомощность, почувствовала, что сходит с ума. Не помня себя, она выронила фонарь, но тот не разбился, ударившись об пол, а, упав, продолжал освещать отвратительный гибрид человека и растения, волей чьего-то извращенного разума порожденный в ее квартире этой проклятой ночью. Поняв, что больше она ни секунды не сможет вынести вида ужасного НЕЧТО, тянувшегося к ней, Миала вскинула вверх руку с пистолетом и начала лихорадочно посылать заряд за зарядом в тело своего любимого. Трех выстрелов подряд было бы достаточно, чтобы умертвить взрослого мужчину. Миала не сразу остановилась после того как опустел двенадцатизарядный магазин. Лишь придя, наконец, в себя и увидев, как тело ее мужа безвольно повисло среди ветвей, оцетинившееся впившимися в кожу электродротиками, женщина сумела разжать побелевшие пальцы, выронила пистолет и бессильно опустилась на мокрый пол. Горячие слезы брызнули из глаз, и останавливать их не было ни сил, ни желания. Губы двигались сами собой, повторяя словно в бреду всего одну фразу:

– Это сон. Это сон. Это сон...

А где-то, гулко ударяясь о металл, продолжала капать вода:

Дум-м, дум-м, дум-м-м...

ГЛАВА 2

На рассвете Кондор вышел, наконец, к Серому озеру. Всю ночь он безмолвной тенью шел по лениво петляющей меж холмов дороге, слушая голоса ночи и вглядываясь в безоблачное небо с сияющими прорезами звезд на его черном полотне. А небо, в свою очередь, пристально следило за ним, одиноким, неторопливо шагающим путником.

Кондор знал это небо. И небо знало Кондора. Они не были друзьями – просто старыми знакомыми. Небо – прекрасный собеседник. Никогда не перебивает, никогда не лезет с дурацкими советами, никогда не перечит, если, конечно, сам не желаешь поспорить. Хотя какие могут быть споры с безмолвной, холодной пустотой в бесконечной вышине. Просто бессмысленный диалог человека, привыкшего к одиночеству больше, чем к оживленному шуму городов. Бред сходящего с ума Темного странника, носящего необычное для этих мест имя Кондор Артоволаз.

«Приветствую тебя, Вечный», – говорило ему небо каждый раз, когда с последними лучами заходящего солнца он устремлял свой взгляд в бездонную чернеющую высь.

«И я приветствую тебя, Вечность», – отвечал он.

Вечный... Никто, кроме неба, не называл его так. Люди называли Кондора и его собратьев Темными странниками. Сами Странники говорили о себе – «брошенные». Брошенные кем? Ах, если бы знать ответ на этот вопрос... Брошенные дети богов, получившие в дар от родителей вечную молодость, неуязвимость и невероятную силу, но не знающие, что делать с этим своим даром. Созидать или разрушать? Сеять смерть или даровать жизнь? Какова вообще цель появления Темных странников в этом мире? Десятки вопросов, и ни одного ответа на них. Никогда.

Молчали мудрецы, молчало небо, молчал даже Великий отшельник, создавший однажды Закон, которому подчинялись все «брошенные».

«Не вмешивайся» – говорилось в первых строках Закона. «Не участвуй в людских войнах, не создавай семьи, не возвышай себя над человеком». Если Закон нарушался, Отшельник не судил сразу. Сначала он предупреждал. Давал шанс одуматься. Если же Странник не желал слушать, приходили Судьи. Могучие воины, с ног до головы закованные в броню, быстрые, сильные, практически неуязвимые, обладающие странным оружием, способным остановить даже «брошенного». Конечно, люди этого не знают, но даже Странники смертны. Просто убить их гораздо сложнее, да и неподвластно это простым людям. Судьи – дело другое. Правда, судили они всего несколько раз, останавливая тех, кого уже не могли сдержать ни законы, ни совесть. Кондор никогда не относился к их числу, хотя и не являлся воплощением добродетели. Просто он всегда давал людям то, чего они заслуживали, ведь у него тоже было право судить. И судил он жестко, но справедливо. И Отшельник всегда был согласен с его судом.

Остановившись на обочине дороги, Кондор с наслаждением втянул ноздрями аромат утренней свежести. Боже, как он любил это время суток. Солнце еще не показало краешек своего слепящего жаркого диска, но свет тонкими ручейками уже струится в пространстве, играет с каплями хрустальной росы на сочных стеблях травы, заставляет алеть горизонт, разжижает бесплотные ночные тени, жирными мазками невидимой кисти перекрашивая небо и землю. Природа пробуждается от своего мимолетного летнего сна, оповещая об этом мир первыми робкими трелями птиц. Час возвышенного спокойствия и предвкушения жизни.

Постояв немного, наслаждаясь рассветом, Кондор огляделся.

Справа от него, докуда хватало глаз, тянулась поросшая низким, обожженным на солнце кустарником равнина, обрамленная изящной грядой холмов. Справа обзор полностью закрывали все те же холмы, а прямо перед Кондором зыбко серебрилось огромное озеро, другой берег которого едва проглядывал в туманной дали. Меж холмов, мимо редколесья и густых

зарослей камыша, плотной живой изгородью обрамляющего кромку озера, тянулась дорога, по которой Кондор шагал не сворачивая уже несколько дней и в конце ее должен был достичь ворот крупнейшего в Киштыре торгового города Ченгхору. Интересно, помнят ли там еще Темных странников? Возможно, уже забыли, сохранив в памяти только обрывки легенд о величественных скитальцах земли, спасших однажды королевство Киштыр. Люди слишком быстро забывают добро, такова уж их суть. Им больше по душе страшные сказки о воскресших мертвецах и оборотнях – безжалостных убийцах ночи. А Темные странники... Кто вообще такие, эти одинокие призраки прошлого? Были ли они, или это легенда, рожденная в пьяном мозгу завсегдатаев придорожной таверны?

Хотя могло быть и так, что он ошибается. Все зависит от того, сколько новых легенд родилось в Киштыре с момента Великой битвы у Стальных ручьев и как давно в последний раз проходил здесь другой Странник.

Тихонько постукивая по земле своим боевым посохом «Дишмед», полученным, как и черный балахон, в момент рождения на берегу Проклятого моря, Кондор спустился к озеру. Подавив желание скинуть одежду и окунуться с головой в прозрачную прохладу, он склонился над водой и, зачерпнув полные пригоршни прохладной воды, жадно выпил ее. Затем еще трижды повторил процедуру, восполняя утраченный объем жидкости в теле. Вода – это жизнь. И для людей и для «брошенных». Только продержаться без нее «брошенный» может гораздо дольше. По соленой пустыне без воды и пищи Кондор блуждал почти тринадцать дней...

Едва успев напиться, Кондор внезапно услышал множественный стук копыт, доносящийся из-за холма. Пока еще зыбкий и далекий, едва слышный даже ему. По дороге ехал небольшой отряд всадников. Семь-восемь человек, не больше. Но, несомненно, вооружены до зубов. Уж в этом Кондор не ошибался никогда. Долго ждать гостей не пришлось. Вскоре на дороге, поднимая клубы пыли, появились семеро всадников. И не нужно было долго вглядываться, чтобы определить в рыцарях отряд элитной гвардии императора, встреч с которыми Кондор всячески избегал последние несколько лет, ибо встречи эти всегда предвещали только неприятности.

Заметив на обочине дороги одинокую темную фигуру, гвардейцы перекинулись меж собой парой фраз, громко расхохотались и, осадив лошадей, перешли с галопа на рысь, направившись в сторону путника. Кондор тяжело вздохнул, подобрал с земли посох, оперся на него, ожидая гостей. Им заинтересовались, а ведь день так хорошо начинался...

Всадники подъехали совсем близко, окружив Странника ровным полукругом, преграждая дорогу и прижимая его к воде. Старший, носящий на груди поверх серебряной кирасы золотой фамильный герб и орден Высшего Благочестия, заговорил:

– Назови себя, путник. Кто ты и откуда?

Высокомерие в каждой нотке, однако начало неплохое. Посмотрим, что будет дальше.

– Темный странник Кондор Артоволаз, следуя из Картара в Ченгхору, – ответил Кондор и, как это уже бывало десятки раз, не удержался, дерзко добавив: – А кто спрашивает?

Именно с этого обычно все начиналось. Но по-другому с гвардейцами Кондор вести себя просто не мог.

– Высший имперский Зазыватель... – Старший сделал многозначительную паузу, дабы невежественный путник мог в полной мере ощутить все величие момента встречи со столь высокочтимым дворянином. Кондор едко усмехнулся в душе, но вида не подал. Если этот вояка так гордится своим титулом – пусть. Лично ему все равно. Тем временем Зазыватель продолжил прерванную фразу: – ...Граф Бзовуб Дис-Делуоу, в окружении Золотоносных рыцарей пятого гвардейского полка Пратского легиона императора Мискасиуса Второго Исхарийского.

Скажет тоже, Золотоносные. Позолоченная морда дракона на шлемах и когтистые лапы дракона на плечах, создающие такое впечатление, будто чудище выглядывает из-за спины рыцаря. Зрелище действительно впечатляющее, но не более. На самом деле это всего лишь

громкое название. Доблести и благородства оно не прибавляет, хотя Золотоносные рыцари не простолюдины. И обходиться с ними нужно по-особенному. Именно поэтому Кондор приложил левую руку к груди и легонько, едва-едва подавшись вперед, поклонился. Поклонился как равным.

Столь вольный жест, означающий глубокое уважение и открытое неповиновение одновременно, тут же был замечен всем отрядом и расценен Золотоносными как неприкрытая дерзость, а в глазах Дис-Делоу вспыхнула яркая искра гнева. Интересная реакция. В Киштыре Темным странникам позволялось многое. Раньше. Похоже, теперь многое изменилось. Человеческая память слишком коротка. Люди предпочитают не помнить о своих долгах. И скоро, по всей видимости, у Темных странников начнутся проблемы. Вернее, проблемы появятся у тех, кто решит оспорить их права на свободу.

– Скажи мне, невежественный путник, – зло, но пока что сдерживая себя в рамках приличия, насколько это позволяло оскорбленное самолюбие дворянина, произнес Дис-Делоу, – несешь ли ты некий обет, запрещающий тебе сжимать оружие в руках и проливать кровь врагов своих?

– Нет, – коротко ответил Кондор, уже понимая, куда клонит Высший имперский Зазыватель Пратского легиона.

– А имеешь ли ты принадлежность к какому-либо ордену или роду, ограничивающему твою свободу?

– Нет, – столь же коротко ответил Кондор и, заметив, что его ответы, односложные и потому крайне неуважительные, заводят графа еще больше, поспешил напомнить: – Я Темный странник и не принадлежу никому, кроме себя самого. Я подчиняюсь только одному Закону, и этот Закон позволяет мне судить врагов и следовать туда, куда я пожелаю.

Как и в первый раз, его слова не возымели должного эффекта. Значит, дело плохо.

– Из твоих слов можно сделать вывод, что ты совершенно свободен? – радостно оскандальился Зазыватель.

– Абсолютно, – нагло ответил Кондор, понимая, что разумного разговора не получится. Ему начала надоедать их бессмысленная, по сути, игра слов. В его планы не входил столь долгий диалог, грозящий затянуться до глубокой ночи, а с таким собеседником подобная перспектива становилась весьма реальной.

– Хорошо. Тогда сейчас ты проследуешь вместе с нами в форт Лишратар на излучине Хгастры, где удостоишься чести быть зачисленным в третий корпус девятого полка Пратского легиона, – торжественно проговорил Дис-Делоу.

«Так-так, – подумал Кондор, уже не скрывая улыбки, медленно расплывающейся по лицу. – Спустя шестьдесят лет странствий меня решили зачислить в рекруты. Да еще простым солдатом. Дожил...» Вслух же он произнес:

– Ваше предложение занять, без сомнения, достойное место в рядах легионеров весьма заманчиво, но, к сожалению, сегодня у меня несколько иные планы на вечер, а посему я вынужден отклонить его. Однако, дабы не лишать вас надежды, я обещаю серьезно обдумать ваше приглашение. Договорились?

– Это не приглашение, наглец! – неожиданно взвизгнул граф, словно юная девица, увидевшая мышь в своей постели. – Именем императора Мискасиуса и своим именем я повелеваю тебе! Ты исполнишь мое приказание немедленно или заплатишься за свою глупость и дерзость!

«Кто здесь глупец, еще спорный вопрос», – подумал Кондор, отстраненно разглядывая холмы за спиной графа. В другое время он нашел бы более изящный способ отвертеться от воинской повинности, но сейчас у него не было ни времени, ни желания. Впрочем, он решил попробовать еще раз.

– Я всего лишь путешественник. Я уважаю императора и закон, но где же сказано, что человека необходимо силой тащить в казармы и делать из него солдата? Я могу понять подоб-

ную ситуацию во время войны. Однако, насколько мне известно, Киштыр сейчас ни с кем не воюет. Зачем же тогда впадать в крайности и хватать первого встречного на дороге? Если я словом или делом оскорбил вас, то могу извиниться. Только скажите, в чем моя вина.

На графа слова Странника не произвели никакого воздействия.

– Ты красиво говоришь, но не более того, – произнес он. – Я уже решил, и своих решений я не меняю. Ты идешь с нами!

– Граф, – больше Кондор не церемонился и не старался выбирать выражения, пытаясь быть вежливым, – не будучи точно уверенным в вашей осведомленности, сообщаю вам в третий раз, что я Темный странник Кондор Артоволаз. Я вечный скиталец земли и сам выбираю себе законы, по которым живу, и королей, которым служу. Никто не волен приказывать мне, и лишь слово Великого отшельника останавливает меня. Это не такая уж древняя легенда, чтобы совершенно забыть о ней.

– Темные странники были воинами императора, и я никогда не верил в сказки, рассказываемые про них. Насколько я помню из легенды, каждого Странника сопровождал дракон, а тебя сопровождает только твоя неслыханная самоуверенность. К тому же ты слишком молод, чтобы иметь хоть какое-то отношение к событиям более чем полувековой давности. А значит, ты просто наглый самозванец! – Терпение графа было на пределе.

– Да, дракона действительно больше нет, – печально подтвердил Кондор, вспоминая, как умирал его верный гарплед. – А что касается возраста, то, очевидно, легенда дошла до вас в искаженном виде или вы не слушали ее целиком, иначе знали бы, что Темный странник не стареет, как смертные.

– Эти легенды предназначены для запугивания маленьких детей. Ты совершенно не похож на непобедимого воина. Просто бродяга, которому не хватает урока вежливости. Армия научит тебя быть учтивым.

– Не в этом веке, – жестко ответил Кондор.

И тут граф увидел кулон на шее Странника. Большой прозрачный кристалл замысловатой формы, овитый искусно сделанной золотой змейкой, пожирающей собственный хвост. В глазах Зазывателя мгновенно появился нездоровый алчный блеск.

– Ты наглец, каких еще не видел свет, – проговорил он. – Однако я обещаю пощадить и отпустить тебя, если ты выступишь откупную. Скажем, вот этот кулон у тебя на груди. Не думай о его ценности. Отдав его, ты покупаешь себе не только свободу, но и жизнь.

Но эту вещь, доставшуюся ему при рождении вместе с посохом и балахоном, Кондор не отдал бы никогда.

– Скажите, во сколько вы оцениваете кулон, и я выплачу необходимую сумму деньгами, – предложил он.

– Неужели ты думаешь, что у меня мало золота? – усмехнулся Дис-Делу. – Отдавай его! Немедленно!

Сейчас граф напоминал обычного вымогателя. А с бандитами у Кондора всегда был короткий разговор.

– В таком случае вы не получите ничего, – жестко отозвался Странник.

«Если сейчас он прикажет своим «позолоченным» изрубить меня на кусочки, то окажется настоящим кретином», – подумал он.

– А если сейчас я прикажу своим войнам изрубить тебя на куски? – зло спросил граф.

«Кретин», – разочарованно вздохнул Кондор, но вслух ответил, впрочем, уже понимая, чем закончится их беседа:

– Скажу, что это будет крайне неосмотрительно с вашей стороны. Я не жажду крови, сударь, и не желаю вам зла. Позвольте мне пройти. Полагаю, вы окажетесь мудрым человеком и не позволите слепому гневу возобладать над разумом. Вы мне не враг, и я вам, надеюсь, тоже. Давайте разойдемся миром, не проливая никому не нужной крови. Одно ваше слово

может сейчас либо послать ваших людей на верную смерть или же, наоборот, сохранить не только их жизни, но и собственное достоинство. Я вас просто предупредил. Умоляю, будьте благоразумны.

Некоторое время граф молчал. Неизвестно, какие мысли крутились в его дурной голове, но когда он вновь заговорил, Кондору оставалось только грустно покачать головой. Боги свидетели, он того не хотел.

– Убить его! – приказал Дис-Делуу, извлекая из заплочных ножен свой меч.

– Пожалейте людей, граф! – сделал последнюю, отчаянную попытку остановить грядущее безумие Кондор, но по глазам самих рыцарей становилось ясно – теперь их не остановит даже Дис-Делуу. Очевидно, «позолоченные» изголодались по невинной крови. Ну что же, раз хотят крови – получают ее.

– Прости, Великий, – заблаговременно попросив вслух прощения у Великого отшельника, Кондор ринулся вперед.

Теперь бой. Теперь никаких сожалений. Перед собой он видел только врагов.

Без труда увернувшись от описавшего широкую дугу лезвия меча ближайшего рыцаря, Кондор припал на одно колено и, взмахнув посохом, ударил им по ногам лошади. Жестокий способ уравнивать шансы между конным и пешим воинами. Удар был силен. Казалось, скорее сломается посох, чем прочные кости тилланского жеребца, однако сам Кондор знал, каким окажется результат. Несчастное животное захрипело от неожиданной боли и с перебитыми, вывернутыми внутрь коленями рухнуло на землю, скидывая с себя всадника. Мгновенно потеряв к нему интерес, Кондор переключился на других рыцарей, уже давно готовых изрубить его на куски, как выразился сам Дис-Делуу. Идиоты!

Вскочив с колен, Странник играючи крутанул посохом в воздухе, и еще двое всадников оказались на земле. На сей раз Кондор пощадил животных, раздавая тумаки их хозяевам. Решивший вступить в схватку граф оказался не лучше подданных. Лишая его возможности отличиться и показать мастерство, Кондор спешил его вслед за остальными. Граф рухнул на мягкое травяное покрывало, обезоруженный и униженный. Пока Странник только играл, показывая свои возможности и рассчитывая на благоразумие противника. Неужели они до сих пор не поняли исхода схватки?!

Но игра закончилась быстро. Один из Золотоносных оказался проворнее других. Холодное лезвие его клинка в молниеносном ударе коснулось шеи Странника. Боль была мимолетной, похожей скорее на искру, чем на настоящее ощущение. Лезвие не смогло оставить даже царапины на коже Кондора. Не таким оружием убивают «брошенного», отнюдь не таким. Но именно этот удар переполнил чашу терпения Странника. Вновь поудобнее перехватив посох, Кондор нащупал и нажал едва заметную клавишу у его основания. Щелкнула мощная пружина. На противоположном конце посоха выдвинулось длинное и узкое стальное лезвие. Страннику потребовался всего один удар. С рассеченной грудью и глухим стоном боли рыцарь завалился набок, выпав из седла. Его не спасла даже стальная кираса, закрывавшая тело. Первая кровь! А сколько еще будет ее сейчас?

Кондор был уже неудержим. Парировав несколько весьма виртуозных, но недостаточно быстрых для него ударов, Странник вновь взмахнул посохом, на сей раз используя его обратную сторону, и еще один рыцарь слетел с коня, оставшись без движения лежать на земле. Вогнутая мощным ударом кираса говорила о многом. Три-четыре сломанных ребра – это минимум. Вполне возможно, рыцарь пострадал гораздо серьезнее. Единственный еще оставшийся в седле воин наконец сообразил, что дело плохо, хотя, кажется, так и не понял – насколько.

Быстро убрав свой меч обратно в ножны, он схватил закрепленный на седле арбалет, легко передернул достаточно тугий механизм взвода, одновременно укладываящий одну из трех заряженных стрел в ложе, и выстрелил. Сколь ни была прочна кожа Кондора, она не смогла сдержать удар отточенного болта килвгарского арбалета. Неудивительно – эти болты с трид-

цати шагов пробивали даже стальные щиты легионеров, и мастера Килвгара очень гордились своим оружием.

Кондор взревел. Не от боли – боль уходила уже через секунду, будто ее никогда и не было. Просто в нем наконец вскипела настоящая безумная ярость, которую он так долго сдерживал в себе. И тут же неосмотрительный стрелок поплатился за свою глупость. Кондор двигался слишком быстро. Рыцарь успел только передернуть взводящий рычаг, перезаряжая оружие, но даже не заметил, как посох Странника описал в воздухе широкую дугу, и в следующее мгновение жгучая боль ожгла шею и грудь арбалетчика. Когда срезанная наискось голова и часть торса рыцаря падали на залитую кровью землю, Кондор подхватил вывалившийся из мертвых рук несчастного арбалет и, практически не целясь, выпустил стрелу в грудь ближайшему рыцарю. Пробив металл кирасы, стрела сломала несчастному ребро, глубоко погружаясь в мякоть правого легкого. Он был еще жив, с немым удивлением на лице падая в истоптанную лошадьми траву, но Кондора он уже не интересовал. Угрюмой тенью Странник двигался в сторону пришедшего наконец в себя графа. Вот кто настоящий виновник бойни, произошедшей сейчас. Клинок Дис-Делу лежал на расстоянии вытянутой руки от него, но, прежде чем граф успел схватить свое оружие, Кондор вновь сделал некое неуловимое движение, вдавил еще одну скрытую клавишу боевого посоха, и внезапно сорвавшаяся с кончика лезвия ослепительно-белая молния вгрызлась в запястье правой руки Зазывателя, сжигая плоть и обугливая кость. В воздухе повис отвратительный запах горелого мяса.

Это был конец. Конец схватки. Потрясенные увиденным и наученные горьким опытом своих мертвых товарищей рыцари больше не пытались напасть на него, в ужасе отпрянув назад. Захлебываясь от нестерпимой боли, граф снова оказался на земле, в отчаянном бессилии зажимая обугленную культю и кусая губы. Теперь он понял. Только почему понимание приходит так поздно?!

Кондор остановился мгновенно, опуская свое грозное оружие и складывая выдвижное лезвие повторным нажатием клавиши. Больше в посохе необходимости не было.

– Я ведь предупреждал вас, – прорычал он, обводя оставшихся в живых гневным взглядом. – Я не хотел этого.

Рыцари, неожиданно даже для самих себя уверовавшие в магию и легенды о бессмертных, молчали, неуверенно переминаясь с ноги на ногу. Зажатые в руках мечи казались им теперь не более чем детскими игрушками, способными напугать разве что пятилетнего ребенка. Рядом тихо поскуливал растерявший всю свою спесь граф, но перепуганные Золотоносные даже не пытались помочь ему, опасаясь навлечь на себя гнев «брошенного». Как быстро на смену высокомерию приходит трусливое смирение. В этом мире всегда правила сила. В этом мире... Разве есть другие?!

– Бой окончен, – подвел черту Кондор, давая понять испуганным воинам, что не расположен убивать всех до единого. – Забирайте своих и уезжайте, больше вам нечего здесь делать. Но никогда не забывайте 6 нашей встречи. Темные странники не просто сказка. Мы реальны, как реальна и смерть, порожденная глупостью вашего графа. Вы сами убедились сегодня в этом. Разговор исчерпан. Убирайтесь прочь.

Кондор замолчал. Молчали и рыцари. Молчали, когда помогали стонущему графу забраться в седло, молчали, когда усаживали на коней тела своих мертвых товарищей, молчали, когда сами взяли в руки кожаные поводья. И лишь напоследок один из них, самый смелый и самый гордый, проговорил, бросая на Странника взгляд, полный гнева и обиды:

– Ты не человек, Кондор Артоволаз.

Кондор криво ухмыльнулся, поднял руку и, выдернув из шеи глубоко засевшую там арбалетную стрелу, ответил, бросая ее вместе с самим арбалетом в руки смельчака:

– Я знаю. Жаль, что вы не поняли этого сразу. А ведь все могло бы быть совершенно по-иному. Я скорблю о ваших товарищах.

На лету поймав оружие, рыцарь бегло взглянул на стрелу и брезгливо отбросил ее в сторону.

– Мне не нужна твоя проклятая кровь, – проговорил он, перехватывая арбалет двумя руками, словно подумывая: «А не выстрелить ли мне в него еще разок». Но тем самым он подписал бы себе смертный приговор, и сейчас он понимал это весьма отчетливо.

– Странно, но ведь совсем недавно ты намеревался пролить ее. Что же случилось теперь? – спросил Странник.

– Тогда я не верил, что по нашей благословенной земле могут ходить демоны.

Дерзость Золотоносного начинала злить Кондора. Еще немного, и он отправит наглеца вслед за его товарищами в страну Теней. Что этот сопляк может вообще знать о демонах?! Не о тех демонах с рогами и копытами, что скрываются в темных глубинах преисподней, а о тех, что прячут свои бронированные тела под плащами-хамелеонами и зовутся биллероидами.

Биллероиды... Какое странное слово. Откуда оно всплыло в его опустошенном десятки лет назад мозгу?

Снова эхо. «Эхо жизни». Именно так называл Великий отшельник внезапные всплески неведомых ранее знаний у Темных странников. Эхо... Странные вещи творит оно подчас с памятью «брошенных». Непонятные вещи. В такие моменты начинает казаться, что ты находишься всего лишь в шаге от истины, но каждый раз, когда это случается, возбужденное и взбудораженное сознание с новой силой натывается на невидимую стену забвения и хрупкая надежда разбивается, становясь пылью и прахом. Темное должно оставаться во тьме, и Страннику никогда не постичь тайны своего рождения. Это было, есть и будет всегда. Такова природа «брошенного». Его проклятие. Цена за силу и бессмертие.

– Убирайся прочь, пока ты вновь не прогневал меня, – прошипел Кондор. – И не вздумайте искать меня. Иначе жертв будет намного больше, чем сейчас.

Ни графу, ни всадникам не нужно было повторять дважды. Вняв предупреждениям «брошенного», рыцари развернули лошадей и не оглядываясь поехали по дороге, ведущей к лесу. Еще несколько минут Кондор мог видеть их ссутуленные, понурые фигуры, маячащие среди густых ветвей, а затем они затерялись в лесной чащобе, и он остался один.

Впрочем, не совсем так. Неподалеку, кося в его сторону слезящимся серым глазом, лежал раненый конь. Вывернутые суставы ног и рассеченная обломками костей кожа говорили лишь об одном – судьба его предрешена. По вине Кондора этому грациозному и сильному животному не суждено было больше резвиться на заливных лугах Киштыра и валяться в сочных травах, устилающих берега великой реки Хгастры. И его Кондору было жаль больше всего. Люди знают, на что идут, когда бросаются в бой, погибая и проливая кровь. Но животные – в чем виноваты они? Этого Кондор не мог понять никогда. Впрочем, именно его удар сломал скакуну ноги, так что теперь поздно изводить себя. Жизнь жестока, и Кондор никогда не был святым.

Подойдя ближе, Странник опустился на корточки, заглядывая в наполненные страхом и мольбой глаза несчастной твари. Чем он мог помочь теперь? Разве что облегчить страдания...

– Прости, – негромко произнес он, и, словно поняв, что собирается сделать Странник в следующую минуту, конь заржал.

Никаких сожалений... Сжатая в кулак рука Кондора всей своей мощью ударила в лоб животному. Только булава или боевой молот могли произвести подобный эффект. Глухой удар, чуть слышный хруст дробящейся лобной кости, тихий хрип и страшный тускнеющий взгляд, к которому невозможно привыкнуть никогда. Смерть. Копыта задних ног в последний раз взрыли землю, срывая дерн и оставляя в зелени травы рваные черные раны. Из левой ноздри показалась и замерла робкая струйка крови. Остановленное смертью сердце не дало ей вырваться наружу.

– Если бы я не увидела этого собственными глазами, то никогда бы не поверила, – заставил Странника вздрогнуть и обернуться неожиданный приятный голосок.

Неподалеку от него стояла девушка. На вид лет семнадцати-восемнадцати, светловолосая, высокая, стройная, с выразительными, веселыми глазами и смуглой золотистой кожей. Прелестное, божественное творение. Несомненно, по ней сохнет добрая половина всех холостых парней ее деревни, да и женатые наверняка бросают ей вслед долгие, полные похоти взгляды.

Длинная льняная туника, расшитая переплетенными в затейливые узоры цветными нитями и перепосанная тонким кожаным пояском, сообщала, что девушка не принадлежит к благородному роду, однако является дочерью или женой достаточно зажиточного человека. Возможно, она из семьи богатого фермера, возможно – мелкого торговца.

В руках юная незнакомка сжимала большую и, очевидно, довольно тяжелую плетеную корзину, доверху наполненную аппетитными красными плодами лесной сливы, имеющей особенность плодоносить по три раза за лето. При виде сочных перезревших плодов желудок Странника ликуяще заурчал, а рот непроизвольно наполнился слюной.

– У нас в поселке есть кузнец, – сообщила тем временем девушка. – Так вот, он тоже один раз быка кулаком на спор убил. Только ведь он здоровенный такой... Как три тебя. Откуда в тебе столько силы?

– Могу я не отвечать на этот вопрос? – слегка сбитый с толку непосредственностью юной незнакомки, произнес Кондор, проверяя уровень зарядки посоха.

Последний импульс «разрядника» почти наверняка полностью опустошил аккумулятор «Дишмеда». При близком рассмотрении поверхность посоха выглядела как рыба чешуя, где длинные стальные чешуйки были подогнаны одна к одной, скрывая внутреннее содержание чудесного оружия Странников. Привычным движением Кондор надавил на одну из таких пластин-чешуек, дождался негромкого щелчка, после чего отодвинул пластину в сторону, открывая небольшую камеру с покоящимся в ней черным цилиндром аккумулятора. Так и есть. Цилиндр опоясывали девять индикаторных колец, лишь одно из которых еще светилось едва заметным зеленоватым светом. Значит, энергии не хватит даже на один выстрел. Пора менять.

Поразмыслив несколько секунд, стоит ли проводить процедуру перезарядки посоха в присутствии постороннего, Странник вдруг понял, что отчего-то безгранично доверяет девушке. Ее манера держаться открыто и непринужденно, словно они знакомы всю жизнь, выбивала его из привычной колеи таинственности, по которой он двигался столько лет. А заодно и вселяла определенное чувство безопасности. Впрочем, чего вообще может бояться «брошенный», кроме разве что гнева Великого отшельника.

Откинув полу своего балахона, Кондор нащупал на поясе продолговатый контейнер «реаниматора», в искрящихся от избытка энергии недрах которого покоился давным-давно полностью заряженный второй аккумулятор, все девять колец которого светились ровным зеленым светом. Спустя минуту заряженный цилиндр переключался в посох, а разряженный был плотно закупорен в контейнере на поясе, восстанавливая утраченный запас энергии. Обычно для этого требовалось около суток, после чего объема заряженного аккумулятора хватало на девять боевых импульсов. И, хотя Кондор редко прибегал к помощи «разрядника», молния, способная испепелить плоть и расплавить доспехи, являлась весьма весомым аргументом во время боя с превосходящими силами противника. Впрочем, в качестве реального оружия «разрядник» использовался крайне редко. Обычно Странники пользовались им для охоты или для устрашения противника.

– Ты не хочешь отвечать? – спокойно поинтересовалась девушка, с любопытством наблюдая за тем, что делает ее собеседник. Похоже, оружие «брошенного» заинтересовало ее.

– Просто я и сам не знаю ответа, – не отвлекаясь от своего занятия, пояснил Кондор и защелкнул открытую панель. Как только пластина встала на свое место, посох снова превратился в обычный металлический стержень, изрезанный неровностями стальной чешуи и выби-

тыми на некоторых пластинах символами – словами на лиитанийском языке. На том самом языке, знание которого было даровано только Темным странникам.

– Но хотя бы имя свое ты знаешь? – спросила неугомонная.

– Кондор. А ты свое? – передразнив собеседницу, спросил Странник.

– Инкхра, – ответила девушка.

– Благородное имя. – Кондор сорвал пучок травы, вытирая перепачканное кровью лезвие.

– К сожалению, только имя. Мне его мама дала. Отец был против, но мать настояла на своем. Она упрямая, если решила что-то, то доведет дело до конца, – ответила Инкхра.

Кондор понимающе кивнул.

– Ты монах? – спросила Инкхра. Вопрос был вполне уместен, учитывая облачение Кондора.

– Нет, не монах, – ответил Кондор.

– Ограбил монаха? – Непосредственность, с которой девушка задавала вопросы, выбивала из колеи.

– Я считал, что каждый человек волен одеваться так, как пожелает, – проговорил он.

– Станный выбор одежды, – оценила его вкус собеседница.

Кондор спорить не стал. Зачем же говорить этой юной болтушке, что в момент рождения на берегу Проклятого моря он уже был облачен в эту необычную одежду, невероятно прочную, водоотталкивающую, не знающую, что значит износ и тлен.

– Ты местная? – вместо этого спросил Странник.

– Я из Тиштака. Это здесь, неподалеку. Во-он за теми холмами, – ответила девушка, неопределенно махнув рукой.

– Там есть хороший трактир или постоялый двор? – осведомился Кондор.

– Конечно, – моментально оживилась Инкхра. – «Огненная сбруя». Это лучший трактир во всем Приозерье. Кстати, владеет им мой отец.

– Значит, я встретил нужного человека. – Кондор улыбнулся. – Проводишь меня?

– Если сможешь донести корзину, – хитро прищурилась юная болтушка.

– Помогу, – сразу согласился Кондор и, переняв ее мимику, добавил: – Но при одном условии. Ты никому не расскажешь о том, что видела сегодня. Никогда.

– Почему? – недовольно нахмурилась Инкхра. Похоже, она уже готова была разнести весть о непобедимом монахе по всему Приозерью, и неожиданное требование Странника плохо вписывалось в ее планы.

– Не спорь и не задавай глупых вопросов, – проговорил Кондор. – В первую очередь я прошу тебя ради твоей же безопасности. Дис-Делу, несомненно, человек мстительный – титул располагает. Он обязательно вернется и будет искать меня. Если найдет, ему же хуже. Но вот если он вдруг узнает, что простая крестьянка стала свидетельницей его позорного поражения, выместит всю свою злость на тебе. А я не смогу постоянно быть рядом.

– Мама будет. Она сможет постоять за меня. Она сильная, она смелая. Я уже говорила, что она никому не дает меня в обиду, – ответила девушка.

– Так серьезно? – улыбнулся Кондор. Как подчас родители возлагают слишком большие надежды на своих детей, так и дети часто ошибаются, переоценивая возможности своих родителей. Но родители – те же люди. Что защитит их от свиста арбалетной стрелы или удара клинка Золотоносного рыцаря?

– Так серьезно, – без тени улыбки ответила юная упрямица. – Надо верить людям, Кондор Артоволаз.

– Хорошо. – Странник решил не спорить. Бесплезная трата времени, – Но тогда хотя бы выполни мою просьбу в качестве одолжения. А еще я могу приказать тебе молчать по праву сильного. Ты видела, как я бываю грозен.

– Дай-ка подумать. – Инкхра внимательно оглядела его с ног до головы. Затем, пожав плечами, вынесла свой вердикт: – Нет, не страшно. Придумай что-нибудь другое.

Непосредственность девушки обезоруживала. Не зная, что еще можно придумать, чтобы убедить ее помалкивать, Кондор растерянно улыбнулся и произнес:

– Так ты проводишь меня до Тиштака?

– Пойдем, – кивнула Инкхра и, немного подумав, добавила: – Артоволаз – странное имя.

– Чем же? – придирчиво поинтересовался Странник. Теперь ей чем-то не угодило его имя.

– В переводе с древнелиитанийского оно означает «Все мы». Почему?

Ого! А девчонка-то не так проста. Она знает язык «брошенных». И не тот, что известен каждому Страннику, а древний, недоступный даже многим из них. Сам Кондор не смог бы связать и двух слов, попытайся он заговорить на древнелиитанийском. Так откуда же эта девушка, дочка трактирщика в захудалом городишке, может знать подобные вещи?

– Ты знаешь лиитанийский? – стараясь скрыть удивление и волнение, осторожно спросил Кондор. Каждый раз, когда случалось нечто подобное, ему казалось, что он наконец подобрался к тайне своего происхождения, хотя обычно все оказывалось гораздо банальнее, в очередной раз разбивая все его мечты и надежды. Вот и сейчас...

– Мама научила, – спокойно ответила Инкхра, словно речь шла о стирке или шитье. – Я и писать могу. На трех языках. – Последнее было добавлено с особой гордостью, а в уголках глаз Кондор прочитал плохо прикрытую насмешку. Дескать, что, не ожидал такого от простой деревенской девчонки? – А ты был в Лиитании?

Вопрос просто сокрушил Кондора, заставив его ссутулиться и опустить голову, словно его отчитывали как мальчишку за какую-то серьезную шалость. Или нет. Совсем не так. Он выглядел иначе. Он выглядел как человек, которому внезапно напомнили, что в один миг он потерял однажды все, что имел, все, что любил и чем дорожил больше всего. И уже никогда не вернет этого.

Был ли он в Лиитании? Страшный вопрос... Жестокий вопрос. Сколько раз задавал он его себе. И не находил ответа. Как не нашел его и теперь.

– Я не знаю, – проговорил он наконец, и каждое слово далось ему с огромным трудом. – Наверное, был... Но не помню.

– Ты действительно странный человек, Кондор Артоволаз, – пристально глядя на Странника, сказала Инкхра.

– Ты недалеко от истины, – кивнул Кондор. – И еще... Я очень хочу поговорить с твоей мамой. Познакомишь нас?

– Отец ревнив, – предупредила девушка, но было видно, что она не смотрит на Кондора как на потенциального соблазнителя своей матери.

– Я буду очень осторожен, – улыбнулся Странник.

– Тогда договорились, – отозвалась девушка и, оставив тяжелую корзину на земле у ног Странника, пошла вниз по дороге, туда, где за высокими зелеными холмами скрывался поселок Тиштак.

ГЛАВА 3

Дверь в зал совещаний потеряла плотность, становясь дымкой радужной пыли, и в образовавшийся проход, словно порыв яростного ветра, ворвался председатель совета Независимого экономического конгломерата (НЭК) – Антар Сибау. Высокий, загорелый, как всегда идеально выбритый. В свои сто четыре года благодаря современным технологиям омоложения, он умудрился сохранить идеальное для столь почтенного возраста здоровье и тело сорокалетнего мужчины, хотя те, кто знал его давно, замечали, что в последние годы он слегка располнел и осунулся, словно груз прожитых лет превысил наконец допустимый предел человеческой прочности. Впрочем, сам Антар этого не признавал. Он был энергичен и вынослив, словно юноша. Возможно, даже более энергичен, чем, скажем, пятьдесят лет назад. Впрочем, лишь немногие помнили его с тех времен.

Еще с порога одарив присутствующих хмурым, пронизывающим насквозь взглядом, он занял свое место во главе стола и, откинувшись на спинку кресла, сложил руки на груди. Являющийся по сути защитным, жест этот в его исполнении таким не казался, выражая скорее властность и неприкрытое недовольство.

– Мистер Бэйс, прошу вас, – проговорил он, обращаясь к сидящему по правую руку от него заместителю. За столом собралось сейчас почти два десятка человек, но пока Антара интересовал только Ивар Бэйс, а точнее – его отчет.

Сам заместитель, худощавый брюнет с заметной краснотой вокруг глаз, до этого отстраненно просматривавший электронную документацию, моментально подобрался и, не вставая с места, проговорил тоном, не внушающим и крупицы оптимизма:

– Опустим ненужное вступление – все присутствующие знают, о чем пойдет речь. У нас еще один прорыв. Обнаружен сегодня в одиннадцать, тридцать два.

По залу разнесся легкий ропот. Предотвращая в зародыше попытку превратить официальное собрание в базар, Антар властно поднял руку, заставляя своих коллег замолчать. Наступила тишина, он вновь обратил свой взор на Бэйса и проговорил холодно:

– Где на этот раз?

– Блаария. Вариант сорок семь, сто восемнадцать, – отчеканил Бэйс в ответ.

– Степень аномалии? – уточнил Антар.

– Четвертая, – с явно наигранным безразличием сообщил заместитель председателя НЭК. На самом деле он волновался не меньше других, просто хорошо контролировал свои чувства.

– Проклятье! – Председатель нервно сжал и разжал кулаки, совершенно не стесняясь и не пряча своих эмоций, что замечалось за ним крайне редко. Впрочем, сейчас на это никто не обратил внимания. Члены правления были озабочены не меньше него. – Если не ошибаюсь, этот вариант принадлежит нам?

– Именно так, вы абсолютно правы. Блаария собственность НЭК с четыреста девятого года. За это время конгломерат успел ввести в действие семьдесят четыре автономные шахты. – Зам выдержал многозначительную паузу, прежде чем нанести последний удар: – Бионитовая руда. В данный момент добыча полностью остановлена. Ведется срочная эвакуация персонала.

– Стабилизируйте аномалию! – проговорил Антар тоном, не терпящим возражений. Но к подобному его заместитель привык уже очень давно.

– Прорыв слишком сильный. Мы уже не в состоянии хоть как-то повлиять на ситуацию, – спокойно ответил Бэйс – Блаария обречена.

– Сколько у нас времени?

– Около двух суток. Максимум.

Председатель помолчал, обдумывая услышанное, затем взглянул на очередную жертву. Тиклан Нист, глава отдела ликвидации чрезвычайных ситуаций, самый молодой член правления, выдержал тяжелый взгляд Антара с присущей ему выдержкой. Больше никто из присутствующих на заседании подобным похвастать не мог.

– Мистер Нист, что с ликвидаторами?

– Сразу после перехода мы потеряли связь с группой, – лаконично ответил Нист.

– Наши люди мертвы? – уточнил Антар Сibaу. Столь пространственный ответ не удовлетворил его.

– Сигнал из Лияра может просто не проходить, – постарался объяснить ситуацию Нист. – К тому же мы до сих пор не знаем, способна ли там вообще работать наша техника. Насколько вам известно, ни один разведывательный кибермодуль оттуда так и не вернулся. У нас практически нет данных по структурным изменениям, произошедшим в Лияре. Тыркаемся наугад, как слепые котята.

Последние слова были произнесены с досадой и злостью. Впрочем, Нист был совершенно прав. Он мог начать операцию еще два года назад, тщательно и неспешно проработав все детали и подготовив своих людей, но только теперь, когда ситуация начала выходить из-под контроля, в НЭК спохватились, предоставив ему полную свободу действий.

Обвинения были справедливы. Повисла тяжелая пауза. Не давая ей затянуться, Миуро Халкад, начальник аналитического отдела, перевел разговор в новое русло:

– Это еще не все на сегодня, – проговорил он, обращаясь непосредственно к председателю.

– Есть что-то еще? – насторожился Антар. Кажется, на сегодня было уже достаточно.

– Процесс ускоряется, – спокойно, словно вел отвлеченную беседу о погоде, сообщил Халкад. Не зря он приберег эту новость напоследок. Эффект был налицо.

– Я притворюсь, что не слышал этого, – мгновенно мрачней как осеннее небо, прошипел Антар.

– Процесс ускоряется, – буквально по слогам повторил глава аналитического отдела, повышая тон.

– Твои ребята не могли допустить ошибку? – Антар не терял надежды.

– Никаких ошибок, – ревниво отозвался Халкад. Он не любил, когда ставили под сомнение компетентность сотрудников его отдела. – Похоже, наша маленькая опухоль наконец созрела и начала пускать обильные метастазы по всей Метамерии. Материя инфицированных параллелей рвется, как старая гнилая тряпка, и мы пока не в состоянии хоть как-то повлиять на ход событий. Полагаю, нужно готовиться к худшему. Грядет катастрофа, масштабы которой трудно даже вообразить.

– Сколько осталось времени?

– Это предугадать сложно даже с нашими возможностями. Но я думаю, что не более тридцати дней. Потом, по нашим прогнозам, произойдет общая дестабилизация Метамерии и смещение граней Спектра. К чему это может привести, думаю, никому здесь объяснять не надо.

Сидящие за столом вновь взволнованно зашептались.

– Никакой катастрофы не будет. – Антар гневно ударил кулаком по столу. Скептицизм его коллеги казался сейчас совершенно неуместным. Вместо того чтобы решать проблему, он лишь подливает масла в огонь, раздувая пламя паники. Ситуация действительно весьма пугающая, но пока еще не критическая, а значит, все поправимо. Просто пока они не нашли нужного пути выхода из кризиса. – Времени полно. Наши ликвидаторы справятся! Главная задача сейчас – как можно тщательнее скрыть происходящее. Нам не нужна паника в глобальных масштабах.

– Это лишь вопрос нескольких дней. Скоро о происходящем станет известно в Лиитании, и тогда паники не избежать, – попытался возразить Бэйс, но Антар казался неприступной скалой.

Бросив исподлобья испепеляющий взгляд на своего заместителя, он проговорил сухо, обращаясь к начальнику отдела ликвидации чрезвычайных ситуаций:

– Занимайтесь, мистер Нист. О любых изменениях сообщайте лично мне. То же самое касается и вас, мистер Халкад.

– Еще не поздно сделать официальный запрос в СКОП. Служба контроля разберется с этой проблемой гораздо быстрее и эффективнее. У них есть для этого все ресурсы, – проговорил Тиклан Нист.

– Никаких официальных запросов! Это пока наша внутренняя проблема, – моментально ответил Антар.

– Наша **ВНУТРЕННЯЯ** проблема в ближайшем будущем может с легкостью уничтожить всю Метамерию! – попытался возразить Нист.

– Занимайтесь, мистер Нист, – сухо повторил Антар. – Совещание окончено.

Давая понять, что разговор действительно закончен, Антар Сибау повернулся и быстрым шагом покинул зал заседаний, оставив собеседников наедине со своими мыслями и эмоциями. Не слишком веселыми, надо сказать...

ГЛАВА 4

Когда-то, очень давно, Кондор уже посещал Тиштак. С тех пор городок практически не изменился. Все те же вымощенные аккуратно подогнанным серым камнем, не по-городскому широкие улицы, уютные чистые домики, в основном одноэтажные, но зато каменные, добротные, с покатыми гонтовыми крышами и цветными стеклами в широких, вытянутых высоко вверх окнах. Рядом с ними более редкие двух- и трехэтажные особняки, в большинстве не просто жилые дома, а магазины и мастерские с броскими вывесками. Такие дома обходились недешево и являлись предметом особой гордости их владельцев. Самого Кондора подобная роскошь не впечатляла. Он много путешествовал и многое видел. Императорские дворцы, храмы богов, башни мудрецов... он насытился впечатлениями. Но еще он знал, вернее, чувствовал, чем помнил на самом деле, что где-то существуют здания, прокалывающие своими острыми шпильями небо, скрываясь в пелене облаков. Они не были красивы или изящны, но своей мощью поражали воображение, заставляя непроизвольно восхищаться их невзрачным великолепием. Где-то... Только вот где?

Трактир «Огненная сбруя» располагался на окраине поселка, как раз на стыке проселочной дороги и мостовой. Выглядел он действительно впечатляюще: массивное трехэтажное здание с гладкими каменными стенами и крышей, крытой серо-зеленой овальной черепицей, казавшейся издали чешуей гигантского дракона. Окна застеклены прозрачным, весьма дорогим стеклом и прикрыты резными ставнями. Над входом огромная кричащая надпись, высеченная умелым камнерезом на широкой, отполированной до матового блеска плите: «Трактир «Огненная сбруя» и внизу буквами поменьше «Открыто круглосуточно».

– Раньше я уже бывал в Тиштаке, но этого здания здесь не видел, – проговорил Кондор, разглядывая вывеску.

– Все зависит от того, как давно ты был здесь в последний раз. Его построили лет десять назад, я еще маленькая была, – ответила Инкхра, распахивая дверь и уже делая шаг внутрь. – Тиштак растет в сторону реки, а для трактира лучше здесь. Чем ближе к дороге на Ченгхору, тем больше посетителей. Ну так ты идешь или будешь учить надпись наизусть?

– Конечно, иду.

Нарочито хозяйский тон, которым были сказаны последние слова, вызвал непроизвольную улыбку на лице Странника. Но Инкхра этого уже не видела, скрывшись в дверях. Снова сделав серьезное лицо, Кондор последовал за ней, вступая в мягкий полумрак трактира.

Девушка оказалась права, трактир действительно был хорош. На первом этаже располагался обширный трапезный зал, вмещавший около десятка массивных круглых столов в окружении не менее массивных и вполне удобных стульев. Вдоль всей левой стены тянулась довольно приличная и удобная стойка, не загаженная последствиями выходов многочисленных пьяных посетителей, как это частенько бывало в большинстве придорожных трактиров, где за годы своих бесчисленных путешествий успел побывать Кондор. В данный момент стойка пустовала, но из широкого прямоугольного окна открывался фрагмент кухни с ее неотъемлемыми атрибутами: печью, кухаркой и дурманящими ароматами, плывущими над столами, сообщая Страннику, что голодным он здесь точно не останется. Здесь же была дверь на кухню, а рядом широкая и изящная, с резными перилами и отлогими ступенями лестница на второй этаж. Справа – ряд узких, но столь же удобных, как все вокруг, скамеек. Стены завешены дорогими гобеленами со щитами, мечами и секирами. На окнах приспущенные бархатные шторы ярко-зеленого цвета, расшитые серебряной нитью по краю. Очевидно, дела у владельцев трактира шли как нельзя лучше, что было несколько необычно для такого маленького городка. Впрочем, Инкхра права. Трактир вблизи дороги на Ченгхору будет процветать всегда.

– Ого, – восхищенно проговорил Кондор, жадно выхватывая взглядом все новые и новые детали интерьера. – А твой отец довольно богатый человек.

– Я и не говорила, что мои родители бедны, – с неприкрытой гордостью, довольная произведенным впечатлением, сказала Инкхра. – У нас останавливаются многие благородные лорды. Граф Дис-Делоу, кстати, тоже. Теперь, наверно, мы его не скоро увидим.

– Я лишил вас постояльца? – совершенно не чувствуя себя виноватым, спросил Кондор.

– Не страшно, – небрежно отмахнулась Инкхра. – Он всегда казался мне заносчивым индюком. А как напивался, постоянно пытался окно выбить. Уж очень ему наши стекла нравились. Только мама его и останавливала.

– У твоей мамы, очевидно, много талантов. – Девушка чересчур идеализировала свою мать, но раздражения это не вызывало, а скорее умиляло Странника, порядком веселя его. – Кстати, ты обещала нас познакомить.

– Обязательно. Подожди пока здесь. Я сейчас позову ее. Ей будет интересно познакомиться с человеком, отвадившим от нашего трактира такого буяна, как граф Дис-Делоу с его Золотоносными рыцарями. – Выхватив корзину из рук Кондора, девушка коротко, но невероятно мило улыбнулась ему и спустя секунду исчезла за дверью, ведущей на кухню.

Оставшись в одиночестве, Странник огляделся, подыскивая себе уютное местечко. Почти все места были заняты посетителями и постояльцами трактира, однако пара столов все же пустовала, и Кондор, пройдя через зал, занял место в самом темном углу трапезной, игнорируя пристальные взгляды сидящих по соседству торговцев. Без всякого сомнения, многие из них узнали в нем «брошенного», и, даже не видя их лиц, Кондор чувствовал исходящие от них волны ненависти и презрения. Так бывало всегда – люди боятся всего необычного, непонятного и недоступного их разуму. А то, что их пугает, может быть только ненавистно. И никак иначе. Никогда. Но Кондор уже давно привык к подобной реакции, и теперь, когда прошло столько лет, ему это было совершенно безразлично. Завтра торговцы отправятся своей дорогой, он своей. Их пути разойдутся и, возможно, никогда уже больше не пересекутся вновь, так зачем же нарушать умиротворенное спокойствие этого тихого, уютного местечка, провоцируя бессмысленный скандал. Хватит на сегодня ссор. Он и так пролил сегодня слишком много крови.

Откинув капюшон своего балахона, Кондор отставил к стене посох и, устало прикрыв глаза, стал дожидаться дальнейшего развития событий. Ожидание оказалось недолгим. Спустя несколько минут он почувствовал, что возле его стола кто-то стоит.

– Я просто усталый путник, – проговорил Кондор не глядя. – И у меня нет никакого желания общаться с тобой, приятель.

– Странно, а Инкхра сказала, что ты хочешь поговорить со мной. – Голос, принадлежащий женщине, заставил Странника вздрогнуть от неожиданности и открыть глаза.

Мать Инкхры оказалась молодой и довольно симпатичной женщиной на вид лет тридцати. Высокая, стройная, грациозная. В каждом ее движении чувствовались сила и уверенность хищника. Такие женщины рождались не часто. Но про эту Кондор знал чуть больше, чем про других. Ее звали Стиг Силица. И рождена она была шестьдесят пять лет назад. На берегу Проклятого моря. Там же, где появились на свет все остальные Темные странники.

– Я сразу понял, что здесь что-то не так, – проговорил Кондор, не сводя с собеседницы пристального взгляда. – Но надеялся, что ошибусь. К сожалению, мои опасения оправдались. Здравствуй, Стиг.

– Здравствуй, Кондор. Давно не виделись, – мрачно ответила хозяйка трактира и добавила: – Все, что ты хочешь сказать или спросить, придержи пока в себе. Разговаривать мы будем только наедине.

– У меня действительно есть пара вопросов. И я хотел бы задать их немедленно.

– Может, ты просто уйдешь? И никогда больше не появишься здесь? – с надеждой спросила Стиг.

– Нет, Стиг. Ничего не выйдет. Раз уж мы встретились при столь странных обстоятельствах, поговорим.

Женщина обреченно вздохнула, обвела взглядом зал, после чего сказала смиренно:

– Ступай за мной.

Подхватив посох, Кондор направился вслед за женщиной. Стиг, поднявшись по узкой лестнице на второй этаж, завела Странника в один из пустующих номеров, плотно закрыла дверь и, обернувшись к нему, спросила с вызовом:

– Зачем ты пришел?

– Я просто шел мимо и вовсе не искал встречи с тобой. Так что не льсти себе. Но теперь, когда я встретил одну из своих сестер по оружию, неожиданно ставшую домохозяйкой, я хотел бы задать несколько вопросов.

– Спрашивай. У «брошенных» нет тайн друг от друга, – проговорила Стиг, садясь на краешек кровати. Неожиданно она потеряла всю свою грациозность, превратившись в маленького затравленного зверька. Но лишь на мгновение. Затем она снова стала самой собой.

– Я хочу знать, что ты делаешь в этом месте, Стиг? Почему сменила одеяние Темного странника на крестьянское платье, а боевой посох на скалку пекаря? И еще я хочу понять, откуда у тебя дочь? Насколько мне известно, «брошенные» не могут иметь детей. Ты что, решилась на безрассудство, украв ребенка? Или твое проклятие не столь сильно, как у всех остальных, и боги даровали тебе способность к продолжению рода?

– Проклятие одинаково для всех, – печально вздохнула Стиг.

– Тогда кто такая Инкхра?

Стиг покосилась на дверь, словно опасалась, что их могут подслушать. Затем проговорила, понизив голос:

– Приемыш. Я пришла в Тиштак восемнадцать лет назад. Шла не просто так, мой путь лежал к горе Нкувем, в дом Отшельника. Тогда как раз умер мой гарплед, я осталась одна, была растеряна и опустошена. Ты, наверное, тоже испытывал нечто подобное, ведь так? Когда твой гарплед перестал двигаться и превратился в каменную статую. С виду такой живой, но уже мертвый. Они ведь совсем как мы. Не подвержены старости и тлену после смерти. Просто перестают ФУНКЦИОНИРОВАТЬ. Интересное слово, правда? Ну так вот, тогда я еще не знала о недолговечности гарпледов, думала, они такие же вечные, как и мы, и его уход буквально ошеломил меня. У Отшельника я хотела найти успокоение и избавление от боли, сковывавшей мой разум, который не желал примириться с потерей самого близкого мне существа и единственного близкого друга. Но до Отшельника я так и не дошла. Однажды вечером, бредя по той самой дороге, что привела сюда тебя, я наткнулась на разграбленный степными харшавами тассидский обоз. Хотела пройти мимо, ведь тебе не хуже меня известно, что степняки не оставляют в живых никого. И тут совершенно неожиданно я услышала детский плач. Даже не плач – всхлип. И уйти прочь уже не смогла. Инкхре на тот момент было не больше полугода. Завернутая в цветастое одеяльце, она лежала на земле рядом с телом своей мертвой матери. И черными бусинками наивных глаз пристально смотрела на меня. Этот взгляд перевернул все. Я поняла, что вся моя жизнь до этого момента была похожа на бесполезный, пустой сон. А теперь она неожиданно обрела смысл. И я, поднимая с земли маленький пищащий кулечек, решилась на самый безумный и отчаянный поступок в своей жизни. Переодевшись в тассидскую одежду, я спрятала свой балахон и посох, взяла девочку и отправилась в Тиштак, чтобы остаться здесь навсегда.

– Ты ведь могла оставить девочку и уйти, – с укоризной проговорил Кондор. Он все еще не понимал...

– Ты так ничего и не понял, Артоволаз, – грустно вздохнула Стиг. – То тепло, та открытость, с какой люди встретили меня, приняв за человека, потрясли меня. Я просила помощи, и мне помогали! Не из страха перед легендарной фигурой прошлого, не из чувства долга. От

сердца. Мы зовемся Темными странниками, но мы не Тьма. Мы не несем зла и никогда не были Злом. Признайся. Признайся не мне, а себе, что в глубине души ты тоже хочешь любить и быть любимым. Я получила свой шанс и не желаю упускать его. Здесь я счастлива, здесь я нашла свой дом, здесь встретила своего мужа, вырастила и воспитала СВОЮ дочь. Я получила все то, чего была лишена долгие годы, пока скиталась по городам и странам в поисках ненужных ответов на нелепые вопросы. Конечно, я, как все «брошенные», хочу однажды узнать, кто я и откуда пришла в этот мир, но разве ты еще не понял – ответа не существует. По крайней мере для нас. Пора смириться с этим и начать нормальную жизнь. ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ жизнь. Иначе рано или поздно ты сойдешь с ума.

– Но как же наш Закон? Ты нарушила его! – возмутился Кондор, хотя уже более вяло, чем несколько минут назад.

– Закон?! О да, Великий Закон Великого отшельника! – не удерживая злой иронии, фыркнула женщина. – Плевать я хотела на Закон! Посмотри, мы умираем, Кондор. Умираем не физически, этого жестокие боги лишили нас. Умирают наши души. Наши чувства, наши желания. Мечты, наконец... Наши бессмертные тела продолжают двигаться, есть, говорить, даже улыбаться. Нам кажется, что мы живем. Но мы обманываем себя и других. Это только оболочка. Иллюзия жизни. А что под ней? Холод и лед. И с каждым годом его все больше и больше. Наши души превращаются в хрустальные изваяния. Из них уходит последнее тепло, а я не желаю подобного исхода для себя. Кем мы станем еще через пятьдесят лет? Мрачными безликими тенями, блуждающими в давно потерявших какой-либо смысл бесплодных поисках неуловимой истины. Мы станем призраками самих себя, отражениями былой силы и могущества. Возможно, мы так же, как сейчас, будем искать ответы, но не уверена, что, даже если однажды найдем их, обрадуемся своей находке, ибо попросту забудем, что означает само понятие «счастье». Разве это не страшно? Если однажды Отшельник сочтет меня отступницей, пусть присылает своих Стражей и они покарают меня. Они могут попробовать, но теперь мне есть ради чего жить и я не отступлюсь. И свою жизнь я так легко не отдам. Пока я счастлива, нет такой силы, что способна помешать мне!

– Но что будет, когда состарится и умрет твой муж, а Инкхра будет двигаться по его пути, готовясь однажды превратиться в дряхлеющую старуху и глядя на свою нестареющую мать? Какие оправдания ты найдешь для нее тогда? – Вопрос Кондора был жесток, но справедлив, угодив в самую точку. Нельзя лгать бесконечно. Однажды обман раскроет даже последний дурак.

– Я стараюсь пока не думать об этом. Скоро обман будет скрывать очень трудно, но сейчас я лишь немного вышла из реального возраста. А потом... Потом что-нибудь придумаю. Но пока я хочу продолжать жить. Просто жить.

– Безумство, – проговорил Кондор, медленно приходя в себя, хотя это было тяжело. – Твоя семья вообще знает правду?

– Муж знает. Узнал, когда пожелал взять меня в жены. Как видишь, мы до сих пор вместе. Его мое бессмертие не остановило, хотя иногда я вижу, как он переживает. Трудно ощущать собственный возраст, когда я рядом. Но он все понимает и принимает как должное. Он любит меня.

– А как же Инкхра?

– Она не знает ничего, считает меня своей матерью. Но, как я уже говорила, она умная девушка. Очевидно, она уже давно догадывается и что-то подозревает, просто не решается спросить. Наверное, просто боится получить подтверждение своим страхам. С ней намного труднее, чем с мужем. С каждым годом мне все сложнее скрывать от нее правду и отшучиваться, когда она в каком-нибудь разговоре вдруг упоминает мой возраст. Если бы она только знала, сколько мне лет на самом деле! В шестьдесят пять никто не может выглядеть на тридцать.

– Ты выглядишь моложе, – сказал Кондор, но комплимента не получилось. Скорее наоборот. То, что мать выглядит лишь немногим старше собственной дочери, совсем не радовало «брошенную».

– В этом моя главная беда, – вздохнула Стиг. – Все стареют, а мы нет. И скоро это станет заметно. Придется, наверное, рисовать морщины и горбить спину. Другого выхода пока я не нашла. Но маскарад хорош для публики. Инкхру не обмануть. Я боюсь даже думать о том, что будет, когда она поймет, кто я на самом деле. Ведь всем известно о бесплодии «брошенных». Девочка поймет, что она вовсе не моя дочь.

– Может, лучше признаться ей?

– Сделать это значительно тяжелее, чем тебе кажется. Хотя я и сама понимаю, что однажды придется открыть Инкхру правду.

Несколько минут Кондор молчал. Он был потрясен рассказом «брошенной» и начал вдруг понимать, что вовсе не осуждает поступок женщины, а как раз наоборот – восхищается им.

– Ты удивила меня, Стиг Силица, действительно удивила, – сказал Странник. – Не уверен, что у меня когда-нибудь хватит смелости, чтобы пойти против Закона.

– Спасибо, Кондор, – с благодарностью ответила «брошенная». – Но это отнюдь не смелость. Если бы ты знал, как я боюсь. Боюсь кары Отшельника, боюсь разоблачения, боюсь времени, превращающего всех, кого я знаю, в стариков. Медленно, но так неумолимо. Этот страх постоянно со мной. Он внутри меня, и я ничего не могу поделать с ним, как бы мне того ни хотелось. Но еще я хочу жить, жить как человек, как женщина, а не как «вечный никто», какими мы были рождены. И это сильнее страха.

– Именно об этом я и говорю, – пояснил Кондор. – Именно в твоём вызове собственным страхам и есть твоя смелость. Наверно, я бы так не смог. Думаешь, Отшельник знает о тебе?

– Станный и нелепый вопрос. Отшельник знает все о нас, иначе он не назывался бы Великим, – ответила Стиг.

– Ты снова права. Тогда чего он выжидает? Почему не присылает Судей? – сказал Кондор.

– Не знаю. Может, ему интересно, чего я в итоге добьюсь. Может, таким образом хочет наказать меня. Он знает значительно больше нас. Возможно, видит будущее, и то, что ждет меня там, гораздо страшнее его суда. Я провела много бессонных ночей в первый год своей «человеческой» жизни, ожидая кары и не понимая, почему ничего не происходит. Ответа я так и не получила. Теперь, собственно, и не хочу. Пусть все остается по-прежнему.

– А если однажды Отшельник изменит свое решение и пришлет Судей? – спросил Кондор.

– Я уже говорила, – спокойно ответила Стиг, пожав плечами. – Если он считает меня виновной, пусть присылает своих убийц. Но жизнь мою он так просто не получит и отказаться от всего, что я имею, не заставит. Конечно, Страннику не справиться с Судьями. Мы знаем, каков всегда исход подобных схваток, но крови я им попорчу прилично.

Слова женщины источали уверенность и силу. Она действительно была готова бросить вызов всему миру, сразиться со всеми демонами преисподней, защищая себя и свою семью. Куда уж там Отшельнику.

– Завтра с утра я покину Тиштак, – решительно произнес Странник. – И обещаю навсегда сохранить твою тайну.

– Спасибо, Кондор, – отозвалась женщина. – На ночь можешь остаться в этом номере. Отдыхай. Если проголодаешься – спускайся вниз, я накормлю тебя. И никакой оплаты. А теперь прости, у меня дела.

Хозяйка трактира ушла, оставив Кондора наедине со своими мыслями. Станные, очень странные вещи происходили в мире. Разум, раздираемый немыслимыми противоречиями, старался постигнуть весь смысл слов Стиг, принимая горькую правду и в то же время противясь

ей. Неужели Кондор действительно так сильно чтит Закон? Нет, конечно же нет. Он просто подчинился, но никогда не верил до конца. Просто знал, что так надо. И никогда не задумывался, можно ли через этот Закон перешагнуть.

Стиг сломала главный стереотип – непогрешимость слова Отшельника. И, кажется, последнему понравился её маленький бунт. Интересно, надолго ли? Или ему самому любопытно, чем закончится игра мятежной жен-шины в человека. Может, попробовать? Войти в лес и, скинув свой балахон, выйти у какого-нибудь города человеком? Хоть на время почувствовать все то, что испытала за эти годы Стиг, от людского тепла до страха перед судом Отшельника. А дальше – будь что будет.

Рука Странника непроизвольно потянулась к груди, отыскивая и сжимая в кулак маленький кулон – прозрачный голубой кристалл с золотой змейкой, изящно обвивающей его, пожирая собственный хвост.

– По, – беззвучно прошептали губы короткое слово. Имя девушки, приносящее в заледневшую душу то самое тепло, о котором только что говорила Стиг. Теперь это был лишь робкий огонек, едва пробивающийся в непроглядной тьме. Но он знал – не помнил, но чувствовал, – что раньше было пламя, был шквал огня, ревущая стихия, жгущая изнутри, заставляющая жить и действовать. Что же случилось теперь? Куда все ушло? И что произойдет, когда угаснут последние угли и наступит день, о котором говорила и которого так боялась Стиг? День, когда останется только холод..

Кем он станет тогда? Существом, несущим лишь пустоту? О злые боги, не дайте случиться подобному! Лучше смерть!

Хотя разве возможно для «брошенного» подобное благо?

ГЛАВА 5

Пронзительный писк системы экстренного оповещения прозвучал божественной мелодией в ушах находящегося в режиме боевого ожидания Вурба, после чего тихий монотонный голос координатора СКОП произнес:

– Внимание, в зоне вторичного контроля варианта шестнадцать, девятьсот шестьдесят один Зеленой грани Спектра произошел несанкционированный транспереход по вектору варианта восемьдесят семь, сто пятьдесят три Зеленой грани Спектра. Идентифицированы три цели. Степень опасности – пятая. Активация двух агентов. Вурб Миратиста, Шарот Хелко. К заданию приступить. Вектор перехода восемьдесят семь, сто пятьдесят три тире шесть. Оповещение закончено. Агентам подтвердить вызов.

– Вурб Миратиста. Подтверждаю, – мгновенно отреагировал на вызов баскоп, мысленно активируя свой трансмеризатор и едва заметным движением руки отключая генератор структуры кресла. Кресло-аморф вздрогнуло и, потеряв форму, рухнуло на пол потоком золотистой слизи, равномерно растекаясь по специально предназначенным для этого желобкам. Вурб, потерявший опору и просто обязанный приземлиться на пятую точку, остался, однако, в воздухе, удерживаемый на безопасном от пола расстоянии невидимой силой антигравитации. Первый признак того, что трансмеризация начата. Скорее, скорее! Пятая степень опасности. Настоящие головорезы, не иначе. Скорее всего, беглые преступники, а такие не остановятся ни перед чем. Интересно, что у них за техника? Если «железо» класса «С», с двоичной перезарядкой и мгновенным переходом, то дело дрянь, ведь через минуту их уже может не быть в том варианте реальности, куда они нырнули сейчас, и тогда придется по максимуму использовать все возможности глоска, прощупывая пространство в поисках остаточных искажений мерности, остающихся обычно после трансмеризации. Но засечь подобное явление можно только в течение одной-двух минут после перехода. Значит, необходимо поспешить.

Тело начало быстро терять плотность, разрывая связь с материей родного измерения, чтобы вновь материализоваться уже на другой стороне, в ином мире, куда пытались сбежать трое беглецов. Идиоты. Неужели они действительно верят, что способны безнаказанно улизнуть от баскопов? Очередные самоуверенные неудачники. У них было гораздо больше шансов укрыться от правосудия в том измерении, откуда они только что так бессмысленно бежали. Там бы за ними охотились обычные Лорды Закона. А теперь – все. Серьезная игра. Нарушение границ мерности, и значит, за дело берется СКОП.

Ну и болваны!

Пространство изменилось. Теперь Вурб находился посреди леса, густо заросшего папоротником. Сквозь плотный занавес густой листвы едва пробивалось жаркое полуденное солнце, не способное достигнуть земли, путаясь среди широких листьев и остроконечных стрелок хвощей. Пахло сыростью и плесенью. Неприятно тянуло сладковатой гнилью. Определенно гадкое местечко. Вурб никогда не питал симпатий к подобным уголкам природы, но делать нечего. Задание есть задание. В любом случае это значительно лучше, чем болото или жерло извергающегося вулкана. И уж конечно намного лучше маленького полутемного кабинета с креслом-аморфом посредине. Все какое-то разнообразие.

– Фиксируется прибытие. Немедленно покиньте зону перехода, – предупредительно сообщил глоск на руке баскопа. Спohватившись, Вурб стремительно метнулся в сторону, оглядываясь на место, где он только что стоял. Отвык. Отвык он работать в паре, когда в одну и ту же точку последовательно трансмеризируются сразу несколько боевых агентов. Чуть было не попал в бинарную ловушку. Крайне неприятная вещь. Чтобы избежать ее, баскопам сообщают о начале операции поочередно, только когда один из агентов уже переходит в необходимую параллель.

Материализовался второй агент. Шарот Хелко. Хороший баскоп, надежный, опытный, настоящий профессионал своего дела, с сотней боевых заданий за плечами. И, кажется, ни одного провала. С ней Вурб был знаком не понаслышке. Вместе учились в академии, один раз уже работали в паре, правда, очень давно, когда ни он, ни Шарот еще не прошли фазу реконструкции, то есть не стали еще полноценными наносинтонами, но, помнится, неплохо сработались тогда, даже подружились. А потом Шарот неожиданно влюбилась в одного парня, Вурб разочарованно повздыхал, и их пути разошлись. С тех пор они каждый день, приходя на службу, приветливо здоровались, но этим все ограничивалось, и каждый из них шел на свое рабочее место, ожидая вызова.

Последняя волна синхронизации пробежала по телу девушки, придавая фигуре яркость цвета и глубину оттенков, после чего она наконец опустилась на землю, завершив переход. Увидев ожидающего ее напарника, Шарот улыбнулась и дружески кивнула ему, поправляя длинные смолисто-черные волосы, скатывающиеся по плечам. Потом подумала секунду и собрала их в хвост на затылке – так проще и удобнее, не будут мешать во время возможного боя. Многие девушки-баскопы довольствовались короткой стрижкой, однако Шарот решила оставить более женственный образ. Что же, ее право. Регламентировать длину волос в СКОП никто не собирался. Вот и замечательно. Вурб просто не мог представить свою очаровательную напарницу с солдатской стрижкой под ноль.

– Проверил константу мерности? Флюктуаций не обнаружено? – Шарот хорошо знала свою работу и сразу перешла к делу, уже не глядя на напарника, а занимаясь своим глоском.

– Я только прибыл. Еще не успел, – оправдался Вурб, запоздало переключая свой глобальный сканер в режим поиска искажений мерности материи и понимая, что инициативу в данной операции довольно легко перехватила девушка. Впрочем, он был не против.

Сканер Шарот выдал ответ на несколько секунд раньше.

– Наглецы. Они даже не пытались смыться отсюда, – презрительно фыркнула она, читая отчет. – За кого они, интересно, нас принимают? За полных лохов?

– Лохов? Что за слово? – удивился Вурб.

– Да так... Отец раньше так говорил, – отмахнулась Шарот.

– А он откуда его слышал?

– Не знаю. Он ведь тоже был раньше баскопом. Наверно, нахватался в каком-нибудь варианте.

– Ладно. Лохи так лохи, – решил не углубляться в подробности Вурб. Шарот тем временем извлекла из кобуры свой многофункциональный «Килтрон» – штатное оружие баскопа, более совершенная модель древнего «Импа», окончательно снятого с вооружения около пяти лет назад.

– Предлагаешь взять их? – прокомментировал недвусмысленный жест девушки Вурб, доставая свой пистолет. Конечно же его вопрос был риторическим.

– Ты здесь по какой-то другой причине? – усмехнувшись, поинтересовалась девушка, бегло переключая глоск в режим поиска и локализации цели. Искала она, естественно, не самих беглецов, а их трансмеризатор, сохраняющий после перехода в своем остывающем ядре обрывки полевых искажений. Оптимальный способ выловить незаконного трансмера, если, конечно, тот не использует мощную «гасилку» или же попросту не избавится от прибора.

Поиск не занял много времени.

– Они не успели уйти далеко, след отчетливый. Если поднажмем, нагоним их минут через десять, – сообщила Шарот. – Как насчет пробежки?

Десять минут... Бывали случаи, когда баскоп отслеживал беглецов по несколько дней, а то и недель. Именно для этого и содержался штат из двухсот семидесяти пяти боевых агентов, контролирующих весь Зеленый спектр Метамерии. Всегда должен быть резерв.

– Всегда только за, – с готовностью отозвался Вурб и, бросив беглый взгляд на напарницу, не удержался от комплимента: – Ты сейчас выглядишь, как хищница перед прыжком.

– Какие-то проблемы? – моментально вспыхнула Шарот, но слишком наигранно, чтобы негодование выглядело серьезным. Но все-таки она предупредила: мы на задании, а значит, никакого флирта, никаких лишних шуток и пустых слов. Сначала дело.

– Никаких проблем. Простое сравнение, – поспешил исправиться Вурб.

– Тогда вперед.

Не дожидаясь ответа напарника, Шарот сорвалась с места, двигаясь в направлении беглецов. Быстро нарастив необходимый, с ее точки зрения, темп, уже через несколько секунд она не просто бежала, а скорее летела, едва касаясь земли, беспощадно сбивая острыми мысами сапог стрелки хвощей. Без всякого сомнения, нещадно эксплуатируя нанореакторы, она ускорила метаболизм своего тела по меньшей мере втрое. Несносная девчонка! Но делать было нечего. С самого начала было ясно, кто лидер пары, так что приходилось играть по правилам Шарот. А прыткости ей было не занимать. Значит, в путь.

Легким мысленным усилием вплеснув себе в кровь лошадиную дозу иккенетол и чувствуя, как миллионы проснувшихся нанореакторов ускоряют его тело до немыслимого, по человеческим меркам, предела, Вурб последовал за напарницей, стараясь нагнать ее огромными трехметровыми прыжками. Но и передвигаясь в таком немыслимом для обычного человека темпе, он догнал ее далеко не сразу, а когда наконец снова увидел ее стройную изящную фигурку, закованную в тяжелую металлопластиковую броню поверх искрящейся энергетической кольчуги, то едва не сбил напарницу с ног, вовремя успев сообразить, что Шарот больше не бежит, а стоит на краю обширной поляны, внимательно осматривая ее настороженным взглядом. Вспахав ногами рыхлую землю, Вурб все же успел остановиться, чуть не ткнувшись носом в затылок напарницы, почти физически ощущая внутреннее напряжение, сковавшее каждый мускул ее такого хрупкого на вид и такого могучего на самом деле тела.

– Что? – коротко, еле слышным шепотом спросил он, выглядывая из-за плеча девушки. Но объяснений с ее стороны и не потребовалось. Он увидел все сам.

В самом центре поляны, среди низкорослых побегов папоротника и редких болотных проплешин, прямо в воздухе зияла огромная рваная дыра, сотканная из эфирной материи перетекающего пространства. Выглядело это странное явление как нечто совершенно ирреальное и громоздкое, похожее на призрачную морскую звезду или медузу, выпустившую из своего шарообразного тела жирные, лениво извивающиеся щупальца-лучи, почти невидимые и столь заметные одновременно из-за своей невероятной способности поглощать пространство и струиться подобно потоку горячей воды при смешении с ледяной. И еще был треск. Станный треск, словно что-то гигантское и чудовищное пыталось прорваться в этот мир столь необычным и пугающим способом, остервенело разрывая ткань реальности и постепенно расширяя проход.

– Какого... – Вурб не закончил. Поднятая вверх рука Шарот заставила его прикусить язык.

– Заткнись и смотри. – Девушка кивком указала направление. Вурб взглянул и едва не ахнул от изумления.

Необходимость в погоне отпала. Все трое беглецов были здесь, на поляне. Или, вернее, хотелось думать, что все трое именно здесь, ибо по кускам изодранной в клочья окровавленной плоти трудно было понять, сколько именно человек совсем недавно приняли здесь свою смерть. Ног, например, оказалось всего три, причем от третьей осталась лишь обгрызенная, заляпанная какой-то мерзкой слизью ступня, лишенная обуви. Рядом валялась одна-единственная рука, чуть дальше – остатки тщательно обглоданной грудной клетки и голова с застывшей на лице гримасой предсмертного ужаса и боли. Похоже, несчастного начали поедать раньше, чем он успел умереть.

– Что это? Что здесь произошло? – прошептал потрясенный увиденным Вурб, затравленно озираясь по сторонам.

– Уже проверяю, – отозвалась Шарот, сосредоточенно занимаясь плоском. – Попробую отсканировать общий фон.

– Только поскорей. Не нравится мне это местечко, – попытался поторопить напарницу Вурб, прекрасно понимая, что быстрее от этого глобальный сканер работать не станет. Но, словно услышав его просьбу, глоск отозвался на удивление быстро, завершив проверку пространства. Ответ оказался неутешительным, как, впрочем, и предполагали баскопы.

– Внимание, – прозвучал тихий безучастный голос глобального сканера. – Опасность. Сверхглубокая пронизывающая бинаризация мерности. Вторая степень аномалии. Возможен сложный диффузионный сдвиг материи.

– Убираемся отсюда, – пытаюсь подавить в голосе панические нотки, пробормотал Вурб. – Это бинарная язва. Сдвоенная реальность. Спонтанный разрыв материи. Но я никогда не знал, что он может быть столь стабилен. Это просто невозможно!

– Значит, теперь возможно, – высказала свое мнение Шарот. – И ты совершенно прав – задерживаться здесь не стоит. Сваливаем отсюда. Хотя постой. Это что?

Шарот кивком указала на другую сторону поляны, где среди деревьев виднелось нагромождение каких-то металлических контейнеров.

– Похоже на импровизированный склад. Только где хозяева? – проговорил Вурб, делая несколько шагов к контейнерам и машинально повышая остроту зрения.

– Очевидно, там же, где и наши беглецы. Что видишь? – отозвалась Шарот.

– Какие-то маркеры. – Вурб сделал еще несколько шагов вперед, пытаюсь разглядеть надписи. – Кажется, собственность НЭК. Какого дьявола конгломерат забыл в этой глуши?

– Хочешь это выяснять прямо сейчас? – скривилась Шарот.

Ответить Вурб не успел. Внезапно земля в нескольких шагах от него вздыбилась, и ужасное нечто, напоминающее гигантское насекомое, выпрыгнуло на поверхность, мгновенно рванувшись в сторону потенциальной жертвы. Все, что успел разглядеть Вурб, так это огромное личинкообразное тело, покрытое, словно броней, толстыми пластинами хитина, восемь лап, причем две задние неимоверно огромны и вывернуты назад, как у кузнечика-переростка, а остальные шесть пугающе напоминают человеческие, только чуть длиннее, когтистые и покрытые хитином, на загривке гребень из шипов. На выстрел У Вурба времени не было. Он старался увернуться от когтей и щупальцев монстра, отпрыгивая назад. Прикрывать напарника пришлось Шарот. Пока Вурб спасал свою жизнь, девушкахватила уже убраный в кобуру «Килтрон», и три ослепительно-белых луча ожгли грудь и горло хищника, пробивая хитиновый панцирь и прожигая могучее тело навывлет, оставляя за собой шипящие обугленные дыры. Правда, как оказалось, этих повреждений для столь массивной туши было мало. Оттолкнувшись от земли своими непропорционально длинными задними ногами, чудовище одним прыжком преодолело расстояние, отделявшее его от девушки, наваливаясь на нее и сбивая с ног. Впервые Вурб услышал, как его напарница испуганно взвизгнула, моментально разрушая закрепившееся за ней реноме «железной леди». Но умиляться подобному сейчас времени не было. Едва заметным движением пальца переключив свой «Килтрон» на максимум, Вурб внес свою посильную лепту в дело уничтожения насекомого, покрывая спину чудовища огромными уродливыми ранами. Плазма не просто жгла плоть – она рвала ее, заполняя воздух отвратительным запахом паленого и легкой кровавой взвесью, напоминающей алый туман. Пяти попаданий оказалось вполне достаточно. Монстр затих, продолжая, как и несколько секунд назад, сжимать в объятиях своих многочисленных членистых лап беспомощно трепыхающуюся девушку.

– Вот это да... – пробормотал Вурб, переводя дух и не торопясь убирать оружие назад в кобуру. Кто знает, сколько еще подобных тварей обитает под землей.

– Перестань трястись и помоги мне выбраться, – недовольная собственной беспомощностью, проворчала Шарот. – Кажется, мне эта задача не по силам.

– Крепко прижало? – обретая прежнюю уверенность, с издевкой поинтересовался Вурб, перехватывая пистолет в левую руку и доставая из ножен на бедре широкий молекулярный клинок. Когда-то такие клинки были непозволительной роскошью, теперь ими снабжались все боевые подразделения СКОП и НРП. Об армии и спецслужбах Ишрара и говорить не приходилось.

– Терпи, дорогуша, сейчас я тебя вызволю. – Осторожно подойдя к замершей твари, Вурб ловко отделил от туши несколько удерживающих Шарот лап, после чего, бесцеремонно схватив ее за шкуру, вытянул на свободу. Конечно же Шарот осталась крайне недовольна подобным обращением с ее персоной, однако предпочла промолчать, лишь гневно сверкнула на напарника своими черными глазами.

– Что дальше? – спросил парень.

– Ну, – тяжело дыша, ответила Шарот, – теперь, когда мы знаем, кто позавтракал нашими беглецами, нам здесь больше делать нечего. Согласен со мной?

– Вполне, – сказал Вурб. – Фиксируй летальный исход и закрывай дело.

– Уже. – Шарот недовольно скривилась. – Не нравится мне все это. Ох, как не нравится.

ГЛАВА 6

Сначала провал проекта «Извне» всерьез не воспринял практически никто, за исключением разве что начальника отдела по ликвидации чрезвычайных ситуаций Тиклана Ниста. Но все его попытки привлечь к проблеме внимание руководства НЭК так и не увенчались успехом. Всех расстраивала неудача дорогостоящего эксперимента, подсчитывались убытки и потери, но никто не задумывался о возможных последствиях. Да и что, собственно, произошло? Удвоение массы пространства – мерности в пределах одной параллели, немногочисленные сбросы искаженной материи, моментально локализованные, блокированные и взятые под наблюдение. Такие слова, как «катастрофа», «трагедия» и даже просто «ошибка», вслух не произносились. А когда спохватились, было уже поздно. Игры закончились, на проблему обратили самое пристальное внимание, и наконец спустя два года слово «катастрофа» было произнесено вслух. Осознание того, что безобидная аномалия, находящаяся где-то на задворках Метамерии, может угрожать существованию Вселенной, вызвало смятение и панику. Одно дело знать о далекой катастрофе из аналитических отчетов наблюдателей, ощущая себя при этом в полной безопасности, и совершенно другое – видеть, как реальность рвется пенными ключьями обезображенной аномалиями материи. Это страшно, действительно страшно, ибо все поняли наконец, что в итоге наступит момент, когда негде будет спрятаться. Некуда будет бежать.

Легриан Нолли, директор Института физики Спектра при Научной разведке параллелей, появился в кабинете Антара Сибау вечером, в конце рабочего дня, когда отделы один за другим пустели, да и сам председатель совета НЭК уже расслабился, совершенно не ожидая посетителей. Лениво просматривая отчет о торговых пересылках, периодически пополняемый столбцами новой информации, он даже вздрогнул, когда возникшая возле его стола полупрозрачная фигурка очаровательной секретарши бесшумно (да и какой шум может произвести квазимолекулярная матрица образа) подступила к столу и тихим голосом сообщила:

– Прибыл мистер Нолли. Просит немедленной аудиенции. Впустить его?

– Легриан? – удивленно воскликнул Антар. – Чего это он вылез из своего кабинета?

– Я могу спросить у него, мистер Сибау, – учтиво предложила секретарша.

– Нет, не надо! – вовремя спохватился председатель НЭК. Время от времени он забывал, что педантичная киберсекретарша подчас принимает все слишком буквально. – Просто пригласи его.

Серая перегородка полиструктурной двери, отделяющая кабинет от приемной, дрогнула и распалась радужным туманом, чтобы снова уплотниться, но уже за спиной шагнувшего в кабинет посетителя. Гость был высок, крепок в плечах, на вид – не более сорока. Даже седина еще не коснулась его длинных волос, забранных в пышный хвост на затылке. Но на самом деле Антар Сибау знал, что Нолли больше лет, чем можно себе представить. Современные технологии омоложения творили чудеса, выжимая из стареющего тела весь возможный максимум.

– Легриан Нолли собственной персоной. Чему обязан столь неожиданным визитом? – спросил Антар, легким взмахом руки отключая панель сообщений.

– Ты не рад? – спокойно спросил Легриан.

– Рад. Просто немного удивлен, – ответил председатель совета НЭК.

– Тогда, может быть, для начала предложишь мне присесть? – осведомился гость.

– Присаживайся, конечно. Прости, совсем забыл о манерах. Последние несколько дней были весьма...

– ...напряженными, я бы сказал, – договорил за Антара директор ИФС.

– Именно, – согласился Антар и тут же, почуввав неладное, насторожился: – Постой, о чем это ты?

– Не дури мне голову, – небрежно отмахнулся Нолли, усаживаясь в кресло. – Надо быть настоящим идиотом, чтобы, находясь на моем посту, не заметить всей той возни, что устроила ваша служба безопасности вокруг нескольких вариантов, пораженных странной аномалией – активными диффузионными язвами.

Антар нервно сглотнул.

– Выпьем чего-нибудь? – предложил он, понимая, что разговор, судя по всему, предстоит не из легких, и победоносно улыбнулся, почуяв, что попал в цель.

– Можно даже чего покрепче. Хотя в нашем возрасте врачи не рекомендуют злоупотреблять, – заметил Легриан.

– Можно и покрепче, – сразу согласился Антар, который о другом и не помышлял. Встав, он достал из бара небольшую хрустальную бутылку пирамидальной формы, в которой переливалось золотыми искрами содержимое. – «Каншовум». В переводе «Звездный ливень», – пользуясь случаем, похвастался Антар, разливая напиток по узким, словно медицинские пробирки, высоким фужерам на коротенькой ножке. – Лучший элконсианский ильг. Бешеных денег стоит.

Приняв фужер из его рук, Легриан Нолли мгновение завороченно смотрел на напиток. Казалось, непрозрачная, фосфоресцирующая золотом жидкость впитала в себя весь блеск звезд. Глава ИФС повидал за свою жизнь немало чудес, но чтобы так выглядел спиртной напиток, он еще не видел.

– Ты вообще уверен, что это можно пить, не опасаясь за свою жизнь? – с сомнением спросил он.

– Давай пей и прекрати привередничать, – по-хозяйски распорядился Антар.

Легриан пригубил напиток. Вкус оказался странным – сочетание аромата неизвестных цветов и ледяной свежести, приятно обжигающей гортань.

– Ну как? – поинтересовался Антар. Он явно ожидал похвалы.

– Немного горчит, но в целом – изумительно, – подтвердил его ожидания гость.

– То-то же, – обрадовался председатель, оставляя бутылку на столе и делая маленький глоток из своего фужера. – «Звездный ливень» для меня изготавливает один из лучших виноделов Элкосиании. В общем, больше ничего полезного в этой забытой богом дыре нет, но ильг там изготавливают отменный. Я плачу ему золотом и бриллиантами. Довольно щедро. И его совершенно не интересует, откуда взялся его тайный покровитель, выбрасывающий такие огромные деньги за глоток ильга. В его мире бриллианты еще в цене.

– А у нас это просто дорогие стекляшки. Пускай они хоть кому-то принесут радость, – согласился с собеседником Легриан.

– Да, в наше время имеет цену разве что ризий-973. Проклятие и благословение нашей цивилизации, подсевшей на этот ресурс, как на наркотик, – проговорил Антар. – Годы идут, десятилетия сменяют друг друга, а ничего не меняется.

– Мы меняемся, – заметил Легриан. – Мы с тобой, например. Помнишь, какими мы были лет, скажем, пятьдесят назад? Молодые, горячие, готовые лезть даже в пекло дьявола, лишь бы отстоять свои взгляды. Мы сражались и верили в правоту своих убеждений, не боялись ничего и никого, плевали на закон и при этом ревниво оберегали его.

– Времена меняются, – философски заметил Антар. – На наше место пришли новые сорвиголовы, поступающие точно так же, как когда-то поступали мы.

– Нет, не скажи, – возразил Легриан. – Давно ты бывал в СКОП? Эти новички... Не все, конечно. Но в своей массе они уже далеко не мы. Неженки и слюнтяи. Вот мы с тобой были баскопами высшего класса. И не только мы. Помнишь Стиг?

– Стиг Силицу? – Сибау умиленно улыбнулся. – А как же. Ее трудно забыть.

– Вот это была девочка! Могла любому голыми руками сердце вырвать, а потом позвонить подруге и спросить рецепт нового блюда. Любила она готовить... Со всей Метамерии

рецепты собирала. Только вот где она теперь? Наверное, открыла собственный ресторанчик где-нибудь на окраине Метамерии.

– Не уверен, что это может заинтересовать ее когда-нибудь. Она хищница. Оседлая жизнь не для нее, – уверенно проговорил Антар.

– Именно об этом я и говорю. Мы были круче. Вспомни хотя бы ту заварушку, заговор против Ишрара. Затея Крейна, Крейда, или как его там... Вот это была встряска! Сколько голов полетело тогда по вине одного весьма упрямого баскопа.

– Силдон Фиор Крейд. Еще бы не помнить, – грустно усмехнулся Сибау, одним глотком допивая свою порцию «Звездного ливня». – Но давай не будем ворошить прошлое. Вернемся в реальность.

– В реальность так в реальность, – согласился Легриан. – А в реальности меня сейчас интересует только один вопрос: что происходит?

– А ты сам-то как считаешь? – хитро прищурился Антар. – Ведь не зря ко мне пришел. Так ведь, Легриан?

– Честно говоря, я мало что понимаю. Что-то происходит, и меня эти перемены пугают. Наблюдатели обнаружили диффузионные язвы, аналитики выдали гору информации, от которой с ума сойти можно, и что-то подсказало мне, что источник заразы находится в ведении конгломерата.

– Где твои наблюдатели обнаружили язвы? – моментально обеспокоился Антар.

– Вариант четыреста тридцать два, девятнадцать и вариант двести двадцать девять, сорок восемь. Оба в Зеленом спектре, – отозвался Легриан Нолли.

– Этого только не хватало! – Председателя совета НЭК от подобных известий бросило в жар. Новые выбросы! Незарегистрированные! В параллелях, не принадлежащих НЭК! Зараза расплзалась даже быстрее, чем предполагали его аналитики.

– Не беспокойся, пока об этом знают лишь единицы, и, если я пожелаю, не узнает больше никто. Только объясни мне, что происходит. Длинных речей я не люблю. Поэтому вкратце, – проговорил Легриан.

– За это я тебя и люблю, – признался Антар, который и сам не любил долгих рассказов. – Итак, вкратце. Помнишь наш проект «Извне»?

– Припоминаю. Кажется, там у вас возникли какие-то проблемы, но конгломерат никогда не распространялся по этому поводу. Даже отчет в НРП не представил. Хотя кстати, запрос был. Вы его вежливо проигнорировали.

– Да-а, отчеты, результаты... Все пошло совсем не так, как хотелось бы. Бинаризация мерности в своем обычном понимании просто ерунда! Все гораздо хуже. Произошел сбой синхронизации и, как результат, сгущение реальности. Два года наши светлые головы из аналитического отдела считали ситуацию стабильной и сравнительно безопасной, что, впрочем, было недалеко от истины. Так бы, может, и было, но, похоже, генераторы продолжают работать, и...

– ...образовалась критическая масса, – безнадежным тоном договорил за него Легриан. – Сколько миров поражено?

– На три больше, чем должно было бы. Плюс твои два и еще пара десятков, которые мы просто не регистрировали, – виновато вздохнул Антар. – И процесс ускоряется.

– И вы ничего не делаете?! – вскипел Легриан. – Просто сидите и смотрите, как одна из самых ужасных аномалий пожирает плоть Метамерии?! Ты хоть понимаешь, чем все это может закончиться?!

– Прекрасно понимаю, и не надо на меня орать! – проговорил Антар. – Мы пытаемся сделать все возможное. Вчера мы послали туда команду ликвидаторов. Но пока никаких результатов. Наши люди исчезли без следа. Связи с группой нет. Нам даже неизвестно, удалось ли им совершить переход. Кто знает, что там, на другой стороне... Там такие разрывы реальности,

что электроника отказывает. Параллель в Синий спектр сместилась. Спонтанная перестройка материи! Я даже не представляю, выжило ли там хоть что-то после этого.

– И что теперь? – раздраженно спросил Легриан, которому возникшая ситуация совершенно не нравилась. – Будете просто ждать?

– Изначально на всю операцию отводилось пять суток. Время еще есть, – ответил Антар.

– Не та ситуация, – недовольно произнес Легриан. – Все данные по аномалиям Метаматерии стекаются ко мне, в ИФС. Я контролирую этот информационный поток и могу закрыть всякий доступ к нему. Но это совершенно ничего не значит. Очень скоро проблемой заинтересуются СКОП и НРП. А следом и службы безопасности Ишрара. Вот тогда и покатаются головы. Если к тому моменту все мы еще будем живы. А посему я даю тебе на решение проблемы три дня. Если за это время не произойдет никаких позитивных перемен, я лично составлю доклад и отправлю его в Ишрар.

– За три дня ликвидаторы могут не справиться! – возмутился Антар.

– Значит, молись, чтобы они были чертовски удачливы. Делай что хочешь, но у тебя осталось всего три дня. Время пошло только что. Чем смогу – помогу, но на многое не рассчитывай. Слишком опасные игры ты ведешь, Антар. Я не могу так рисковать. Но по дружбе могу подкинуть немного полезной информации к размышлению: сегодня двое агентов СКОП случайно наткнулись на бинарную язву в параллели восемьсот семьдесят один, пятьдесят три.

– Баскопы? – обеспокоился Антар.

– Глупый вопрос, – скривился Легриан. – Конечно, баскопы. Ловили там кого-то и забрели чуть дальше, чем ожидали. На твоё счастье, копия отчета баскопа всегда пересылается к нам. И я успел все это замять. На некоторое время. Но советую разобраться в проблеме раньше, чем ребяташки начнут распространяться о том, что увидели. Справишься или помочь?

– Справлюсь. Все в этом мире покупается. Есть своя цена и у баскопов.

– У меня такой цены не было, у тебя, если не ошибаюсь, тоже, – возразил глава ИФС.

Антар, соглашаясь с ним, кивнул:

– У нас не было. А у этих сопляков есть. А если нет, всегда найдется альтернативный вариант, заставляющий людей молчать.

– Я этого не слышал. Ты этого не говорил, – улыбнулся Легриан.

– Естественно. Спасибо за информацию, – сказал председатель совета НЭК. – Отблагодарю при первой же возможности.

– Обязательно отблаговаришь, – утвердительно произнес Легриан. – А пока плесни мне еще «ливня».

– Это пока самое меньшее, что я могу сделать для тебя, – отозвался Антар, с готовностью наполняя фужер собеседника искрящимся ильгом.

ГЛАВА 7

Ченгхору, небольшой, но довольно уютный и богатый торговый городок, раскинулся полумесяцем вдоль побережья одноименного пролива. Отсюда открывались оживленные пути в богатейшую шелком Фигранию и изумрудный Ритакк. Еще пятьдесят лет назад здесь были лишь ветхие рыбацкие хижины и пограничный гарнизон из двадцати трех солдат и одного офицера, пьяницы и шизофреника, но на удивление удачливого предпринимателя. До сих пор остается загадкой, каким образом, стараясь подзаработать немного денег в обход императорской казны, он привлек в форт первых купцов, но с тех пор дороги в Ченгхору больше не зарастали травой, а на берегу выросла огромная пристань, ежемесячно принимающая и отправляющая в плавание десятки торговых караванов. Поселок стремительно разросся, со временем превратившись в жемчужину провинции Лторги-Тор. Город-рынок.

В Ченгхору Кондор попал даже раньше, чем планировал. Большие торги начинались только после новолуния, и до их начала ни один раб не покидал пределов Торговой Сарты. До новолуния оставалось еще два дня, времени было полно. Заглянув по привычке в трактир, Кондор пообедал, давая своему телу немного отдохнуть и восполнить силы после довольно продолжительного пешего перехода, и, щедро расплатившись с трактирщиком, отправился к Торговой Сарте, расположенной, как он знал, на другом конце города, возле Верхней пристани. Походила Торговая Сарта на огромный цирковой шатер, пестрящий всеми цветами радуги, украшенный флагами и гербами богатейших торговцев Киштыра, имеющих право расположиться в ее просторных недрах. Вход в Сарту тщательно охранялся четырьмя стражниками, раздетыми в шелка и золото. В Ченгхору чтили стражу. Торговцы предпочитали видеть свои товары в целости и сохранности, щедро оплачивая работу воинов. И это был единственный город, в котором воровство каралось смертью. Закон этого не позволял, но император Киштыра, благословенный Мискасиус Второй Исхарийский смотрел на это сквозь пальцы. Вернее, предпочитал не замечать нарушений за горами золота, ежемесячно поступающими в казну Киштыра из Ченгхору.

Негромко постукивая посохом по серому камню мостовой, Кондор приблизился к входу в Торговую Сарту.

– Проходи мимо, путник. Сегодня торгов нет. Тебе здесь нечего делать, – смерив «брошенного» скучным взглядом, вежливо проговорил ближайший стражник.

– Я желаю знать, здесь ли остановился Якистеса Серебряный из Исхары, – столь же вежливо спросил Странник.

– Он здесь, но он отдыхает и никого не примет сегодня. Возвращайся через два дня, когда начнутся торги. – Тон стражника не изменился. Все так же вежлив, что сильно смущало Кондора. Хама и грубияна он просто отодвинул бы в сторону. А что делать с этим человеком, не знал.

– Боюсь, я не расположен к столь длительному ожиданию, – проговорил он. – Тебе придется пропустить меня.

– Назови причину, почему ты здесь, и я решу, как мне поступить, – предложил стражник.

– Человеческая жизнь. – отрезал Кондор, не считая нужным что-либо добавлять. Но и этого оказалось вполне достаточно.

– Достойная причина. И кажется, ты не лжешь, – спокойно проговорил стражник. – Можешь войти.

Вот и поговорили... Кондор не ожидал, что все окажется так просто. Оказывается, иногда полезно пользоваться не только кулаками. Впрочем, подобная ситуация скорее исключение из правил. Сломанные челюсти и вывихнутые суставы бывают гораздо чаще мирной, вежливой беседы.

Внутри Торговой Сарты царил мягкий полумрак, обильно разбавленный светом десятков масляных ламп. Где-то лежали тщательно охраняемые тюки с шелком и бархатом, спали скованные тонкими позолоченными цепями обнаженные рабыни, приготовленные на продажу. Негромко переговаривались слуги, звучала мелодичная музыка. Сарта была пристанищем элиты торговцев и вмещала в себя около десятка торговых арен. Возле одной из них Кондор и отыскал Якистесу Серебряного в окружении наложниц и слуг. Восседа на мягких пуховых подушках, расшитых серебряной нитью, Якистеса обедал. На изящном медном столике перед ним стояли большие чеканные блюда с ломтями жареной оленины, всевозможными фруктами и экзотическими сладостями. Картину дополняли две чаши – одна с вином, другая с водой для омовения рук. Сам Серебряный оказался совсем не стар, Кондор дал бы ему не более пятидесяти, имел весьма выдающееся брюшко, которое просто обязано было появиться при его малоподвижном и сытом образе жизни, и обладал поистине серебряной шевелюрой, словно кто-то однажды окунул его в чан с серебром.

– Якистеса Серебряный? – спросил Кондор, подходя ближе.

Из тени тут же появились две полуобнаженные красотки, тела которых покрывала золотая пудра, словно дополняя картину необычных волос торговца. В руках девушки сжимали короткие изогнутые мечи, готовясь не раздумывая пустить их в ход. Якистеса повелительным жестом остановил своих прекрасных телохранительниц, после чего исподлобья взглянул на незваного гостя и недовольно проворчал:

– А-а, «брошенный»... Кто впустил и что тебе здесь нужно?

Кондора даже передернуло от знакомого слова, произнесенного незнакомцем, да еще так пренебрежительно. Очевидно, торговцу уже не единожды приходилось сталкиваться с Темными странниками. Только вот тон, в котором он начал разговор, был слишком вызывающим. Или, скорее, самоуверенным, словно Якистеса знает про него больше, чем он сам, и это знание дает ему пока не совсем понятное, но вполне реальное преимущество.

– Ты знаешь меня? – спросил Странник.

– Мы незнакомы, если тебя интересует именно это. – По лицу Серебряного расплзлась самодовольная ухмылка. – Но я знаю вас. Вашу породу. Все еще ищите бессмысленные ответы? А Отшельник по-прежнему молчит. Столько лет, и никаких перемен. Невообразимая серая тупость.

– Что ты можешь знать о нас, ничтожный человечиска?! – Неприязнь к торговцу, появившаяся у Кондора в самом начале разговора, стремительно переросла в открытую ненависть. А они ведь только начали беседу. Нехорошо, совсем плохо.

– Даже больше, чем ты можешь представить себе, – оскалился Якистеса, попутно выуживая из блюда перед собой ароматный кусок обжаренного мяса и запихивая его себе в рот.

– И что именно? – Подумать только, всего несколько дней назад он беседовал с графом Дис-Делуо, слухом не слыхивавшим о Темных странниках, а теперь вот встретил человека, который якобы посвящен в тайны «брошенных». Верится с трудом.

– Ну уж нет, – отрицательно качнул серебром своих необычных волос Якистеса, прожевывая мясо. – Мои тайны останутся при мне. И цены на них нет, даже не пытайся просить.

Понятно, очередной фантазер. Наслушался сказок о Странниках и Отшельнике, а теперь хочет извлечь из этого выгоду. Только ничего у него не выйдет. К подобного рода фокусам Кондор давно привык. Даже Отшельник предупреждал – истины нет. Любая тайна, приоткрытая устами смертного, будет всего лишь изошренной ложью.

– Хорошо, храни свои секреты сколько пожелаешь, они мне не нужны, – сказал Кондор. – Лучше займемся делом.

– У меня с тобой никаких дел нет и, надеюсь, не будет. – Якистеса оказался наглецом, каких мало. Подобного хамства Кондор никогда не терпел и привык учить хамов. Причем отнюдь не словами.

– Советую тебе быть повежливее, – мрачно проговорил он. – Если ты действительно так много знаешь о Странниках, как говоришь, то, наверно, тебе должно быть известно, как мы наказываем наглецов.

– Вполне. – Угроза совершенно не испугала торговца. – Но, как я уже сказал, дела Темных странников меня не интересуют. Поэтому сделай одолжение – повернись, выйди из Сарты и продолжи свой бессмысленный путь в никуда, предварительно забыв о моем существовании. Я закончил. Прощай. Надеюсь, больше мы не увидимся.

Естественно, Кондор остался там, где стоял. Он решил дать Якистесе второй и последний шанс.

– Мое имя Кондор Артоволаз, Темный странник, – сухо проговорил он, стараясь сдерживать нарастающий в душе гнев. – Обычно я не столь доброжелателен, но сегодня готов сделать исключение. Ты торговец?

– Это вопрос? – усмехнулся Серебряный, тыльной стороной ладони размазывая жир на губах.

– Вопрос.

– Тогда, раз ты так жаждешь общения, я отвечу. Да, я торговец. Лучший из всех.

– Тогда предлагаю сделку. Мне нужна одна из твоих рабынь. Гилана. Темные волосы, серые глаза, родинка над левой бровью. Она нужна мне немедленно. При желании я могу забрать ее силой, но дам тебе шанс помочь мне добровольно и не теряя при этом достоинства. Назови цену. Я готов заплатить в два раза больше того, что ты планировал выручить за нее на торгах.

– И давно ты начал интересоваться молодыми рабынями? – усмехнулся Якистеса. – Отшельник в курсе? Ты ведь изменяешь своим принципам. Ты нарушаешь Закон.

– Не твое дело, зачем она мне! Я плачу деньги, ты отдаешь мне рабыню, и мы больше никогда не вспоминаем друг о друге.

– Хорошо. Только вынужден тебя разочаровать. Я продал Гилану еще три дня назад.

– Ты лжешь!

– Лгут политики. Я торгую. Гилана продана три дня назад. Можешь обыскать весь город – ее нет. Но я знаю, где она. И здесь начинается игра по моим правилам.

– Ты слишком много на себя берешь, торговец. Твоих правил не существует, – отрезал Кондор. – Я устанавливаю их.

– Не сегодня. Ты сам пришел ко мне, Кондор Артоволаз. Пришел и предложил оплатить мои услуги. И ты заплатишь.

– Ты считаешь, в этом городе не найдется человека, способного шепнуть мне, кому ты продал девушку? – спросил Кондор.

– Это могу шепнуть даже я, – усмехнулся Серебряный. – Торговца зовут Тирагор. Он достаточно известен. И столь же скрытен. Только я знаю, куда он направил свой корабль и когда вернется назад. Поверь мне – очень не скоро. Можешь проверить мои слова. Но проще заплатить мне и отправиться за ним уже завтра.

– Сколько? – решив на время смириться с порядками города-рынка, мрачно спросил Кондор. Ладно, пусть будет так, он заплатит торговцу. В конце концов, Якистеса прав и любая информация стоит денег.

– Нет-нет, золото и драгоценности я получаю, продавая рабынь простым смертным, – отозвался торговец, небрежно привлекая к себе одну из своих юных наложниц и проводя рукой по ее нежной груди. – Для Странника цена будет иной. Ты станцует для меня.

– Что? – ошалело переспросил Кондор.

– Один танец. Но не такой, как ты подумал. Мне нужно, чтобы ты выступил завтра на «Песчаных боях». Я сделаю ставку, и ты выиграешь. Все очень просто.

Каков наглец! Прорывав что-то нечленораздельное, Кондор ринулся к торговцу, намереваясь раскидать охрану и припугнуть наглеца. Обычно этот трюк проходил отлично. Однако на сей раз все оказалось значительно сложнее. Его остановили! Причем он сам так и не понял, как это произошло. Просто еще секунду назад он свирепой тенью надвигался на свою жертву, твердо уверенный в своей неуязвимости и мощи, а в следующее мгновение что-то неуловимое коснулось его лица, мир перевернулся, и Странник оказался на земле, растерянно глотая клубы пыли, поднятые при падении. Слух уловил легкий смешок. Смеялся конечно же Якистеса, как и прежде сидящий в окружении молоденьких наложниц. Рядом, преграждая «брошенному» путь к хозяину, спокойно стояли его прекрасные золотокожие телохранительницы. Неужели они?! Но подобное просто немыслимо! Удар был слишком силен, слишком молниеносен. Девушки не способны на такой удар. Впрочем, вполне возможно, что Кондор просто не ожидал выпада с их стороны. Ну ладно. Хотят драку – получают ее. Вторую щеку он подставлять не собирается. Только вот бить женщин как-то не совсем благородно. Хотя Якистеса наверняка на это и рассчитывал, когда выбирал себе телохранителей.

Взмахнув отточенными мечами, телохранительницы ринулись на Кондора. Странник вскочил на ноги, уходя от атаки. Секущих ударов изогнутых лезвий он не опасался, однако его потрясла напористость и сила, с какой девушки набросились на него. Используя сначала половину, а затем и все свои боевые навыки боя, Кондор успешно парировал выпады золотокожих бестий, старательно избегая ответных ударов, пока не понял, что сдает позиции! Тогда он наконец решился. Щелкнул потайной замок, блеснуло на конце посоха длинное узкое лезвие, мгновенно прорезая пространство и скользя по золотой коже ближайшей девушки, лишь на короткий миг открывшейся для атаки. Скользя... Именно скользя! Вместо того чтобы оставить на правом плече девушки длинную борозду рассеченной плоти, лезвие боевого посоха прочертило едва заметную полоску в золотой краске. Но где же кровь?! Где рана?! Где вскрик боли, наконец?!

Подобное Кондор уже видел раньше. Ничего особенного. Только вот обычно это случилось, когда в сражении участвовали Темные странники. Неужели эти телохранительницы...

Воспользовавшись кратким замешательством «брошенного», девушки моментально усилили натиск, действуя четко и слаженно, как единое целое. Отвлекающий удар одной и молниеносный, едва заметный глазу выпад другой. Ловкая подсечка.

Кондор вновь лежал на полу, посох отброшен в сторону, а в лицо направлены острия мечей телохранительниц, так и не проронивших за время поединка ни единого звука.

– Браво! Браво! – вяло хлопая в ладоши, Якистеса поднялся со своего ложа, перешагнул через столик и приблизился к дерущимся. – Великолепно.

– Вы Странники! Как вы смели нарушить наш Закон?! – прошипел поверженный Кондор, обращаясь к девушкам. Продолжать бой было бессмысленно. Перевес сил был явно не на его стороне. Пришлось подавить обиду и с горечью признать свое поражение.

– Глупец, – коротко бросила одна из телохранительниц. И на этом ее краткий монолог был закончен.

Продолжил Якистеса. Осторожно присев рядом с поверженным Странником, он снисходительно улыбнулся и проговорил:

– Ты действительно глупец, Кондор Артоволаз. Неужели ты всерьез намеревался причинить мне вред? Мне, Якистесе Серебряному, чьи караваны свободно ходят по лесам, населенным дикарями и разбойниками, а корабли прорезают водную гладь там, где кишат пираты? Очевидно, ты слишком мало слышал обо мне. И поэтому завтра ты будешь драться за меня.

– Как ты получил в услужение Темных странников?! – зло спросил Кондор, подумывая одновременно, стоит ли рискнуть и, рванувшись к наглому торговцу, проломить ему череп. Любопытно, кто окажется быстрее, – он или телохранительницы, способные действовать так же быстро, как и он.

– А кто сказал, что Линари и Зио Темные странники? – спросил Якитеса. Встав, он подошел к ближайшей девушке, провел рукой по ее золотым волосам. – Они прекрасны, согласишься с этим. Но Линари и Зио способны не только разгорячить кровь любого мужчины, но и пустить ее. Причем с огромным удовольствием. Ничего не скажешь – совершенство. Как телохранительницы они идеальны. Но ты заблуждаешься, считая их своими сестрами. Они не Странники. Не «брошенные». Никогда ими не были. Они прибыли сюда вместе со мной. Они всегда были со мной...

Кондор молчал, пытаясь постигнуть всю глубину слов, произнесенных Якитесой Серебряным.

ГЛАВА 8

Была во всем случившемся с Шарот Хелко и Вурбом Миратистой маленькая странность – они стали свидетелями одной из самых пугающих аномалий во Вселенной, отправили подробный рапорт о случившемся в Институт физики Спектра при Научной разведке параллелей, и... все. Тишина. Их даже не вызвали в НРП на консультацию, что было вполне обычной практикой. Вурб решил подождать до утра, а потом послать в НРП повторный рапорт с требованием подтверждения начала расследования. На такие вещи, как бинаризация мерности, нельзя смотреть сквозь пальцы. Это слишком опасно.

Иногда после работы Вурб заходил в бар. Небольшой, уютный, удобный, расположенный всего в паре шагов от его дома. Мягкий сумрак, не рассекаемый ударами цветных лазеров ночных клубов, приятная тихая музыка, обходительные официантки, живые, а не квази-молекулярные фантомы, знакомый бармен. В общем, все, что нужно для хорошего отдыха и максимального расслабления. Вурб любил это место, заводя случайные знакомства, болтая на отвлеченные темы, покупая за свой счет напитки дамам и развлекая благодарных слушателей захватывающими рассказами о своих многочисленных вылазках в разные варианты многомерной реальности. Кто-то верил, кто-то смеялся, упорно отказываясь воспринимать услышанное всерьез, но Вурб лгать не умел. Все его байки о невообразимых чудесах и мирах, похожих на врата ада, всегда являлись чистой правдой. Если бы эти людишки только знали, что он успел повидать и пережить на своем веку. Это не виртуальные ужастики смотреть. Пусть там кровь пахнет кровью, а жар огня обжигает лицо – реальность остается реальностью. Он-то знает разницу. Именно поэтому он приходил в этот бар, чтобы увидеть кусочек другой жизни. Нормальной жизни. Той, от которой он отказался, поступив на работу в СКОП и став наносинтоном.

Сегодня Вурб в бар так и не зашел. Остановился на противоположной стороне улицы, печально взглянул на призывно распахнутую дверь, выполненную в стиле ретро, и отправился домой. Раздражительно вежливая, говорящая мягким женским голосом cabina сфелара мгновенно перенесла его с первого этажа на семьдесят шестой, где находилась его небольшая (всего три комнаты плюс кухня, ванная и скромный санузел) квартира. Конечно, служа в СКОП, он мог позволить себе жилище и получше, но только зачем? Жены нет, детей тем более, из живности один компьютер. Даже три комнаты казались Вурбу избыточной роскошью. Сам он вполне довольствовался бы однокомнатной, только вот где найти такую квартиру?

– Вурб Миратиста? – Перед его дверью в коридоре стояли трое. Женщина и двое мужчин. Женщине на вид около тридцати пяти. Высокая, стройная, спортивная. Идеальную фигуру подчеркивает строгий деловой костюм. Мужчины за ее спиной, хоть и похожи на бизнесменов в дорогих костюмах и лакированных туфлях, однако, приглядевшись повнимательнее, в них без труда можно разглядеть опытных воинов. Максимальная сдержанность, цепкий взгляд, скрытая готовность к действию. Настоящие профессионалы. Сложены хорошо, но без излишнего уродства, что вполне оправдано – опытному бойцу излишняя мышечная масса только мешает. Сковывает движения. Даже дураку понятно что мужчины являются телохранителями женщины.

– Вурб Миратиста, – подтвердил баскоп, неторопливо подходя ближе. – А вы кто такие, если не секрет?

– Не секрет, – отозвалась женщина и, протянув Вурбу свою изящную ручку, представилась: – Заместитель начальника отдела внутренней безопасности НЭК Омра Вейц. Со мной мои помощники – слева мистер Листон, справа мистер Алсорт.

– Очень приятно, – отозвался баскоп, машинально пожимая Омре руку. – Чему обязан вашим внезапным визитом? И, простите, НЭК... это тот самый НЭК или новое название закусочной напротив моего дома?

– Тот самый, – отозвалась женщина. – Вы удивлены, что вашей персоной заинтересовался Независимый конгломерат?

– Скорее озадачен. Обычно такого не случается, – ответил Вурб, невольно покосившись на телохранителей Омры.

С его стороны это было чистой воды любопытством. Как потенциальную угрозу он гостей не расценивал. Не соперники они для него. Так, легкая разминка перед сном. Да и не станут агенты НЭК затевать потасовку прямо в коридоре жилого дома. Мотивов нет. До сего момента он слышал о Независимом энергетическом конгломерате только из выпусков новостей и особого интереса к НЭК никогда не проявлял. Единственное, что он знал о нем наверняка, так это то что конгломерат считался основной структурой теневой власти в Л питании. И по какой-то совершенно непонятной причине этой самой теневой власти понадобилась вдруг его скромная персона. К добру ли этот интерес?

– Вы, очевидно, ломаете сейчас голову над одним вполне естественным вопросом: зачем мы здесь, – без труда уловила суть размышлений Вурба Омра Вейц. – Я вам сейчас все объясню. Но, пожалуйста, не здесь. Несмотря на установленный моими помощниками контур непроницаемости, я не очень люблю беседовать в коридоре. Может быть, вы пригласите меня к себе в дом? Обещаю быть краткой и не отнять у вас много времени. Идет?

– Вполне, – легко согласился баскоп, вежливо оттесняя мистера Алсорка от своей двери.

Дверь бесшумно раскрылась, ожили светильники на стенах, насыщая прихожую мягким рассеянным светом. Пробудился и привратник, он же виртуальный дворецкий – слегка подрагивающая из-за неисправности голографа голограмма пожилого мужчины в домашнем халате и тапочках на босу ногу. Волосы растрепаны, в руках чашечка какого-то напитка. За время существования дворецкого этой модели Вурб не единожды пытался выяснить, что тот «пьет», но все его попытки не увенчались успехом, а сам дворецкий всегда довольно ловко уходил от ответа.

– Вы сегодня рано, – подметил дворецкий, лениво зевая. – Приготовить ужин, или, как обычно, удовольствуетесь стимуляторами?

– Не язви, – вяло отмахнулся от голограммы Вурб. – Не видишь, у нас гости. Приведи себя в порядок.

– Нет настроения, – так же, в тон хозяину, ответил дворецкий, мигнул и исчез вовсе.

– Хам, – фыркнул Вурб.

– Может, стоит его перепрограммировать? – вежливо проговорила Омра.

Не дожидаясь приглашения, она самовольно вошла в квартиру баскопа. Вурб решил не обращать внимания на столь незначительную вольность, но отметил, что его гостья как-то уж очень внимательно осматривает прихожую, цепко выхватывая каждую деталь внутреннего убранства дома. Вурб никогда не любил любопытных, хотя и относился к людям подобного типа весьма терпимо.

Дверь за спиной гостьи закрылась, оставив телохранителей в коридоре. Это могло говорить по меньшей мере о двух вещах: во-первых, разговор, очевидно, предстоит конфиденциальный. А во-вторых, Омра Вейц доверяет баскопу. Или же просто не считает его реальной угрозой.

– Проходите в комнату, я сейчас, – сказал Вурб, собираясь до начала серьезного разговора переодеться в домашнее.

Но гостья остановила его:

– Поговорим здесь. Как уже было сказано, я не отниму много времени.

– Как пожелаете, – нехотя согласился Вурб, чувствуя неприятный холодок, внезапно пробежавший по спине. Что это? Неужели страх? Что-то новенькое. Насколько он себя помнил, он мало чего боялся даже до превращения в наносинтона. И уж конечно никогда не опасался разговаривать с незнакомками. Вот только что-то неуловимое откровенно не нравилось ему в этой импозантной женщине. Да и разговор, судя по всему, обещал быть не из самых приятных.

– Перейду сразу к делу, как и обещала, – проговорила Омра, деловито закладывая руки за спину и повторно окидывая взглядом прихожую. Она что-то искала. Неужели видеозонды наблюдения? Тогда пусть не беспокоится – Вурб запретил устанавливать в его доме аппаратуру внутреннего видеоконтроля. Обычно СКОП довольно ревниво следит за своими сотрудниками, но право на частную жизнь без всевидящего ока контроль-матрицы баскопы всегда отстаивали рьяно. Вурб не стал исключением.

– Включена только внутренняя система «привратника», – вежливо сообщил баскоп, самодовольно улыбаясь.

– Благодарю, – сухо улыбнулась в ответ Омра. – Прошу простить меня. Просто разговор слишком серьезен, чтобы его услышал еще кто-то.

– Да-да, – нетерпеливо кивнул Вурб. – Но вы собирались мне что-то сказать, а пока я слышу лишь слова и ничего по сути. Пожалуйста, ближе к делу, а то у меня ноги в пол вrastут.

– Хорошо, – согласилась гостья. – Несколько часов назад...

«Опа! Они уже знают. Вот это оперативность!»

– ...выполняя по долгу службы очередное задание, вы и ваша напарница Шарот Хелко обнаружили в варианте восьмьсот семьдесят один, пятьдесят три Зеленой грани Спектра некую аномалию мерности материи, именуемую бинарной язвой. Мы...

«Мы... Интересно, кто это – мы?»

– ...знаем это. Также мы ознакомлены и с отчетом, который вы представили в СКОП и НРП.

– Вы прекрасно осведомлены, – не без ехидства подметил Вурб. О том, как служба безопасности НЭК заполучила его отчет, баскоп пока решил не спрашивать. Будет еще время.

– Да, у нас хорошие источники. Но речь не об этом. У меня к вам предложение, мистер Миратиста. Щедрое предложение. Мы были бы весьма признательны вам, если бы о содержании вашего отчета никто больше не узнал. И, если это возможно, мы хотели бы заполучить инкрис с вашего глоска, пока его данные не внесли в общую базу данных СКОП. На некоторое время, для коррекции записанной там информации. Обещаю вернуть его в кратчайшие сроки. У вас не возникнет никаких проблем с руководством. Если мое предложение кажется вам приемлемым, мы можем немедленно обговорить детали. Итак?

«Так-так. НЭК интересуется вещами, которыми интересоваться не должно. Интересно почему? Что такого в этой маленькой аномалии для них? Что хотят скрыть?»

– Это вам не поможет. Ведь я уже отослал отчет в СКОП и НРП. И Шарот Хелко тоже, – напомнил Вурб, но, неожиданно заметив усмешку на лице Омры, осекся. Похоже, отчет так никогда и не будет прочитан. Интересно, как им это удалось.

– А если я откажусь?

Он не блефовал, не играл словами. Он действительно намеревался отказать самоуверенной дамочке.

– Вы ведь знаете, боевого агента подкупить весьма и весьма сложно. Не хочу хвастать, но показатели последних тестов на лояльность у меня просто зашкаливают. Ваши деньги мне не нужны. Поэтому все, что я могу обещать вам, так это никогда не вспоминать о вашем визите, – проговорил баскоп сухо и холодно. Помолчал несколько секунд и тем же тоном добавил: – Попрошу покинуть мою квартиру немедленно.

После своих слов он ожидал от гостьи чего угодно, от унижительных уговоров до угроз. Но ни разочарования, ни вспышки гнева. Совсем ничего.

– Жаль, очень жаль, – совершенно обыденным тоном, смиренно проговорила Омра Вейц, словно ожидала именно этого ответа. – Значит, мы не договоримся.

– Значит, нет, – подтвердил Вурб, старательно скрывая свое удивление. Он ожидал гораздо большего напора. Выходит, ошибся. Или же с ним просто играли, разыгрывая некую многоходовую партию, и скрытая цель этого незначительного разговора не вынудить Вурба молчать, а просто побудить его совершить некое действие, выгодное НЭК. Или же неудача была предусмотрена, а он просто слишком мнителен. Так или иначе, теперь ребята влипли, и его отчет попадет во все инстанции, вплоть до Службы внешней безопасности Ишрара. У НЭК будут се-ерьезные неприятности в ближайшее время. Он об этом позаботится.

– Собственно, именно такой, негативной реакции мы от вас и ожидали, – вежливо объяснила свое поведение Омра Вейц. – Ваша напарница ясно дала нам понять, что значит лояльность баскопов. Своей краткой и, надо сказать, весьма учтивой речью вы практически полностью повторили то, что сказала ваша коллега. Кстати, она оказалась не столь сдержанной, как вы.

– Только не говорите, что я разочаровал вас, – хмуро произнес Вурб. В душе он ликовал, но никак не выказывал этого внешне.

«Ай да Шарот! Наверно, распекла их по полной программе. Жаль, теперь поздно добавлять что-то от себя. Ну и ладно. С них хватит и того, что уже сказано».

– Вы нас не разочаровали, но и не порадовали, – отозвалась гостья, поворачиваясь к баскопу спиной и открывая дверь. – До свидания, мистер Миратиста. Простите за причиненные неудобства.

– Какие уж тут неудобства, – победно усмехнулся Вурб, довольный собой и своим маленьким триумфом. Жаль, что в его доме нет видеоконтроля. А то можно было бы считать, что очередной тест на лояльность пройден. – И, кстати, не «до свидания» а «прощайте». Надеюсь, желание никогда больше не встречаться у нас с вами обоюдное.

Гостья ничего не ответила. Просто шагнула через порог и, сделав своим спутникам неопределенный знак рукой, направилась к кабине сфелара. Телохранители хмуро взглянули на закрывающуюся дверь квартиры баскопа и молча отправились следом за Омрой.

– Глупцы, – фыркнул Вурб.

Ему было о чем подумать. Зачем в действительности приходили агенты службы безопасности НЭК? И Омра эта... Почему она так быстро отступилась, хотя вполне могла бы надавить, припугнуть, применить силу, наконец. Впрочем, последнее весьма сомнительно. В открытой схватке с наносинтоном у них не было бы ни единого шанса на победу. Возможно, именно это и остановило Омру, не дав совершить необдуманный шаг.

– Ри, – позвал Вурб своего дворецкого.

– А, – коротко отозвался наглый компьютер. Первое время такое поведение, неординарное даже для интеллектуальных программ, раздражало баскопа, но со временем он привык.

– Ты где?

– Здесь, – сообщил голографический дворецкий, появляясь из средней комнаты. На сей раз он выглядел более прилично, успев «причесаться», «побриться», сменить халат с тапочками на элегантный костюм и даже «допить» свой напиток, чем бы он там ни был.

– Кто тебе только характер моделировал? – покачал головой Вурб.

– Вам должно быть прекрасно известно, что поведенческие характеристики программы дворецкого моделируются в соответствии с чертами характера, присущими обладателю матрицы программы, – деловито пояснил голографический болтун, заложив одну руку за спину, а другой деловито поправляя появившиеся на его переносице очки в золотой оправе. Такими перестали пользоваться больше сотни лет назад, по крайней мере по своему прямому назначению.

Отмахнувшись от балабола, Вурб скинул куртку, разулся. В дверь позвонили. Вернее, это был не звонок, а спокойный голос того же дворецкого, сообщивший:

– К вам гости. Шарот Хелко.

– Впусти, – распорядился Вурб, немного удивленный внезапным визитом напарницы.

Дверь открылась, и в прихожую вошла Шарот. Выглядела она крайне взволнованной. Ступив в комнату, Шарот, нервно озираясь по сторонам, спросила:

– Они у тебя уже были?

– Замначальника отдела внутренней безопасности НЭК и два молчаливых мордоворота? – уточнил слегка сбитый с толку таким началом Вурб.

– Она не заместитель начальника чего-то там. Она из трио.

– Какое еще «трио»? О чем ты?

– Трио. Три «О». Отдел особых операций. Крутые ребята, под стать нам, только занимаются выполнением заданий особого рода. Прикрывают НЭК, когда это требуется. Убивают ненужных людей, устраняют препятствия в работе конгломерата. И конечно же мешают Ишрау и его службе безопасности подобраться к НЭК.

– Вот это здорово! Вот так влипли! – растерянно выдохнул Вурб. – Постой, а ты откуда все это знаешь?

– Неважно, – нетерпеливо отмахнулась Шарот. – Дело плохо. Скажи, только честно, ты принял их предложение?

– Нет, – ответил Вурб.

– Хорошо. Я тоже. Но, похоже, мы с тобой влезли во что-то серьезное. И действовать нужно быстро. Я не верю, что трио отступится так легко.

– Но что мы можем? – Вурб немного растерялся.

– Немного, но попробовать стоит. Инкрис с твоего глоска у тебя с собой?

– Нет, конечно. В конторе оставил. Зачем мне его домой таскать?

– Ладно. Доступ в твой кабинет открыт?

– Да, но...

– Сама все сделаю, – решительно сказала Шарот. – Ты пока не влезай. Если что, просто прикройешь меня. Но не сейчас. Где у тебя там инкрис?

– Во втором ящике стола... валяется. Допуск без кода. – Натолкнувшись на осуждающий взгляд напарницы, Вурб виновато продолжил: – И не надо на меня так смотреть. Я же не знал, что это так важно. Кстати, если нужно, в памяти компьютера копия отчета. Можно связаться отсюда и сделать рассылку.

– Отсюда не стоит. Лучше из кабинета. Пожелай мне удачи.

– Удачи, – машинально пробормотал Вурб.

Шарот решительно шагнула к двери, но на пороге задержалась:

– Это все? Больше по нашему заданию ничего нет? Ты ни с кем не говорил? Подумай, сейчас важна каждая мелочь.

– Нет. Ничего нет и ни с кем не говорил, – растерявшись вконец, ответил Вурб, ошеломленный напором Шарот. – А ты, когда закончишь, приходи. Расскажешь, как все прошло.

Неожиданно Шарот улыбнулась. Нехорошо улыбнулась. Не то чтобы зло – холодно, безразлично. Разительная перемена.

– Нет, не расскажу, – сказала она.

– То есть? – удивленно спросил Вурб, не до конца понимая, что происходит.

– Сожалею, мистер Миратиста, но вы не оставили мне выбора, – сухо проговорила Шарот.

Внезапно черты ее лица, волосы, кожа, даже одежда словно потекли, размылись, уступая место новым формам. Несколько мгновений – и перед баскопом стояла Омра Вейц, совсем недавно покинувшая его квартиру.

– Проклятый метаморф! – осознавая, как легко его провели, проскрежетал зубами Вурб и вдруг, совершенно неожиданно для себя, обнаружил, что у него появилось странное непреодолимое желание расстегнуть кобуру на поясе и извлечь из нее пистолет.

– Что происходит?! – прошептал он, понимая где-то на уровне подсознания, что вовсе не хочет стрелять, а желание извлечь оружие продиктовано извне, чем-то или кем-то, вероломно вторгшимся в его разум.

– Когда НЭК предлагает сделку, отказываться не надо, – проговорила Омра, спокойно наблюдая за баскопом. – Это может быть... больно.

Женщина не опасалась, что Вурб выстрелит в нее. Подобного просто не могло произойти. Сейчас в крови баскопа находился универсальный синтетический нановирус. Он проник в тело Вурба через рукопожатие при первой встрече с метаморфом, обезопасил себя, моментально перепрограммировав иммунную систему наносинтона. Затем стремительно увеличил свою численность, разрушил защитные барьеры, проник в мозг несчастного, установил жесткий псионический контроль над разумом и...

– Стреляйте, мистер Миратиста, – даже не приказала, а просто вежливо попросила Омра.

Не понимая, что происходит, в ужасе глядя на мета-морфа, контролирующего сейчас каждое его движение, Вурб приставил холодный ствол «Килтрона» к своему подбородку, судорожно сглотнул, и, словно наркоман, понимающий, что каждая новая доза убивает его, но не способный от нее отказаться, нажал на курок...

Моментально потеряв интерес к своей жертве, Омра спокойно отвернулась от безжизненного тела Вурба, подошла к двери, открыла ее и негромко позвала:

– Мистер Листон, мистер Алсорт, можете приступать.

В дом вошли ее молчаливые спутники и принялись деловито осматривать квартиру.

– Работайте, господа, – распорядилась Омра. – Вы знаете, что делать. Я в СКОП.

В последний раз окинув тело Вурба Миратисты беглым взглядом, женщина вышла из квартиры, не мешая больше работе своих помощников. Она не любила убивать. Просто такая работа. И она выполняла ее безукоризненно.

ГЛАВА 9

Толпа. Орущая и визжащая в диком, почти животном восторге толпа, не способная думать ни о чем другом, кроме предстоящего зрелища. Не люди – твари, бездушные и жестокие, предвкушающие чужую кровь. Они чувствуют ее, они уже почти видят, как струи горячей липкой жизни брызжут из распоротых артерий, обильно заливая песчаную арену. Их жажда крови сильна. Она льется через край взрывом безумного восторга каждый раз, когда очередной воин падает, сраженный клинком другого. И кажется, этому никогда не будет конца.

Но «Песчаные бои» – это не просто зрелище. За неприглядной картиной кровавой мясорубки всегда крылась политика. Не высокая политика императоров и королей. Другая. Но не менее важная для Ченгхору, как одного из торговых центров Киштыра. На «Песчаных боях» делались ставки. Да какие ставки! В одно короткое мгновение, пока секира одного обреченного смахивала с плеч голову другого, пока шипастый набалдашник булавы более ловкого и сильного крошил лобную кость менее поворотливого, пока обычный нож оказывался длиннее двуручного меча, сидящие на трибунах теряли и обретали. И кто-то после этого становился счастливым обладателем каравана с «Золотой пылью», а кто-то подписывал смертельный для себя отказ от безопасного прохода через залив Отчаяния, кишатый вольными сборщиками податей, именуемыми иначе пиратами. Такие договоры покупались у главарей пиратского клана за баснословные деньги, и переписать бумагу в пользу другого означало навсегда лишиться покровительства в беспокойных водах залива. Кто-то отбирал у конкурента договор, чтобы разорить его. Кто-то думал лишь о том, чтобы обеспечить процветание своего дела. Но и договоры были не самым ценным, что ставили на кон торговцы, приходя на «Песчаные бои». В первую очередь это всегда было игрой, и только потом зрелищем. Впрочем, зрелищем весьма впечатляющим.

Кондора раздели практически догола, заставив нацепить кожаную набедренную повязку и стальные налокотники с короткими зазубренными шипами. Предложили на выбор оружие – десятки разновидностей колющего, режущего и крушащего, но он остановил свой выбор на стальном шесте длиной в его рост, грубо заточенном с одной стороны. Стражники лишь покачали головами, осуждая выбор бойца. Ему бы кисландский меч, изогнутый, словно плечо лука, и отточенный до бритвенной остроты. Или ливовую алебарду, легкую и изящную, как раз подходящую под его комплекцию. А что он будет делать с простым шестом? Разве что быстро и безропотно умирать под тяжелыми ударами соперника, выбравшего, кстати, «виссак» – секиру с двумя узкими длинными лезвиями, закрепленными на центральном стальном стержне. Тяжелое и смертоносное оружие в руках любого, даже не очень опытного, но достаточно крепкого воина. А соперник Кондора был крепок. И практически вдвое шире его в плечах, не говоря уже о росте. Именно такие глыбы плоти, могучие и беспощадные, были постоянными участниками «Песчаных боев». Однако, случалось, на арену попадали и такие, как Кондор. Не дохляк, но телосложения отнюдь не атлетического. Многие погибали на первой минуте боя. Но случались и исключения. Иногда на арену выходили ловкие и опытные бойцы, получившие тайные знания боевых школ и умело использующие их. Такие выигрывали. Но то были единицы. Остальных, иссеченных и обескровленных, лишенных подчас всех конечностей, уволакивали с арены на корм червям.

Искоса взглянув на охранников, Кондор усмехнулся. Для себя они уже отнесли его к категории «пять ударов». Низшая оценка, означающая, что он не выдержит и пяти ударов противника. Ну-ну. Главное, не делайте больше ставок. Сегодня день неожиданных разочарований.

– Восхитительно, не правда ли? – отвлек «брошенного» голос Якистесы за его спиной.

– Не вижу ничего, чему можно было бы радоваться, – грубо отозвался Кондор, не оборачиваясь.

– Для тебя – возможно. Для меня – обычно. Но ты посмотри на лица тех, кто занял места в зрительских ложах. Сколько страсти, сколько огня. Еще немного, и все это орущее быдло само ринется на песок, вгрызаясь друг другу в глотки и выцарапывая глаза.

– Ты, наверное, так смеялся бы над этим, что надорвал бы живот, – с ухмылкой сказал Странник.

– Не считай меня тупым и бессердечным дебилом, умеющим только жрать и испражняться, «брошенный». Ты не знаешь меня. – Похоже, слова Кондора не сильно, но чувствительно задели Якистесу.

– Хочешь сказать, что ты выше их? – Кондор кивнул головой, указывая сквозь зарешеченное окошко на зрителей, с упоением наблюдавших за тем, как оранжевокожий тиррасец, раненный уже по меньшей мере трижды, пока еще весьма успешно отбивал атаки могучего гиярва – варвара с восточных островов, не пропустившего пока ни одного удара.

– Не то чтобы выше, – ответил Якистеса. – Умнее. Разумнее. Хотя согласен, звериные инстинкты пропитали и мой мозг. С годами я стал таким же животным, как и они. Только они простые животные, а я хищник. Нас немного, таких, как я. Но мы есть. Звери, которые видят, слышат и чувствуют раньше других, лучше других. Которые всегда впереди. Мы первыми видим дичь, первыми отрываем самый жирный и сочный кусок. А еще мы первыми чувствуем опасность и первыми избегаем ее, подставляя под удар спины других.

– Твоему бреду есть название или это просто бред? – усмехнулся Кондор. Он так и стоял спиной к Якистесе, не желая встречаться с ним взглядом.

– Жизнь. Это всего лишь жизнь, – ответил Серебряный. – Ты сам прекрасно знаешь это. Ведь ты убийца, и даже не спорь с этим. Ты один из нас, из хищников. Просто ты хищник, запертый в клетку законов, созданных Отшельником. Эти законы постоянно сдерживают вас. Но если однажды они исчезнут, вы, Темные странники, измените этот мир. Вот взгляни на арену. Два воина – оранжевый тиррасец и мрачный гиярв. Первый прекрасно фехтует, его глаза наполнены страстью и жаждой жизни, однако он уже трижды ранен. Второй туповат, но столь же быстр, хотя его глаза не выражают ничего. И он ранен всего один раз, и то несерьезно. Кто победит?

– Делаем ставки? – удивился Кондор.

– Нет, просто беседуем. Так кто?

– Тупой варвар, – не раздумывая ответил Странник.

– Согласен с тобой, – сказал Якистеса. – Дождемся завершения поединка.

Долго ждать не пришлось. Израненный тиррасец совершил наконец свою последнюю ошибку, чуть замешкался, и узкое лезвие клинка гиярва, наискось войдя в тело оранжевокожего у основания шеи с правой стороны, остановилось лишь у левого соска. Затем мрачный гиярв молча выдернул меч и, оттолкнув от себя мертвое тело соперника, счастливо улыбнулся, выставляя напоказ ряды неровных, отчего-то зеленых зубов.

– Вот это и есть самое правильное подтверждение жизни, – ликующе воскликнул Якистеса, остервенело аплодируя варвару. – Мы оба угадали победителя и знаем почему. Тиррасец был ранен и быстро слабел. А фехтовали они на одном уровне. Если бы мы слушали сказку, могло бы быть иначе. Жажда жизни и все такое... Бред! Конечно, в сказке жажда жизни и страсть к победе пробудили бы в оранжевом невиданные силы, и, истекая кровью, он совершил бы невозможное и одолел гиярва. Но в жизни все бывает совсем не так. И ум лишь неплохое дополнение к силе, когда ты встречаешься в равном бою с другим хищником. Разве я не прав?

– Не мне судить, – отмахнулся от него Кондор.

– Конечно, обладая такими физическими данными, как у тебя, уже не нужно задумываться над мелочами. Но я прав, и ты сейчас в очередной раз пойдешь доказывать мою правоту. Ибо сколько бы ни было жажды жизни и отваги в твоём противнике, ты сильнее и быстрее его. А значит, у него нет ни шанса.

– Ум тоже чего-то стоит, – сказал Кондор.

– Но сейчас ты будешь использовать отнюдь не его для своей победы. Или ты собираешься заговорить противника до смерти?

– Бессмысленные диалоги я оставляю для тебя, – усмехнулся Кондор.

– Ну тогда иди и принеси мне удачу.

– Если ты ожидаешь красивого зрелища, то ты его не получишь, – предупредил Странник.

– Мне нужна от тебя только победа. Остальное не столь важно, – напутственно взмахивая рукой, проговорил Якистеса.

Но Кондор не видел этого. Он уже шел по узкому каменному коридору, выходящему на арену «Песчаных боев». Из соседнего коридора на песок выходил сейчас его соперник, облаченный в широкие шелковые штаны и короткую кожаную куртку с металлическими нашивками на ней. Конечно, защита никудышная, однако лучше, чем небольшая набедренная повязка Кондора. Впрочем, самого Кондора это не расстроило.

– И наконец заключительный бой! – провозгласил со своего места Равновесчик, судящий поединок. – Их двое. Первый – Нод Зверошип, проливший на песок кровь пятидесяти трех соперников, настоящий мастер «виссака» и боевого топора, готовый отпраздновать свою пятидесятую четвертую победу сегодня, если, конечно, боги Фира сегодня снова благосклонны к нему. Второй – Кондор Артоволаз, странствующий воин, пришедший к нам из далекой страны Садхар, где его обучили многим тайным знаниям и превратили в великолепного бойца, каких еще не видел свет. Конечно, это только слухи и слова, ибо сам Кондор Артоволаз впервые стоит на арене «Песчаных боев». И выдержит ли он хотя бы пять ударов Зверошипа, мы увидим прямо сейчас. Кто еще не сделал ставки, поскорее делайте их, ибо досчитав до трех, я объявлю начало поединка. Один... Два... Бой!

Нод не спешил бросаться в атаку. Осторожность – признак интеллекта, пусть даже не слишком развитого. А Якистеса говорил что-то о животной силе. Ничего не стоит сила без разума, иначе не продержался бы Зверошип так долго на арене «Песчаных боев». Но, к сожалению, все кончится для него сегодня. Впрочем, почему к сожалению? Если бы на месте Кондора был кто-то другой, Зверошип играючи вскрыл бы его грудную клетку отточенным лезвием своего «виссака» и получил бы за победу неплохие деньги. Это не борьба за выживание. Это работа, где одни наживаются на смерти других. Нод мог пойти в ремесленники, стать крестьянином и тогда, возможно, остался бы жив. А теперь...

Громила атаковал. Очень изящно, словно делая реверанс, он крутанул в воздухе тяжелый «виссак», стараясь одним из лезвий отсечь Страннику левую руку. Естественно, допускать этого Кондор не стал, но выходка Нода немного разозлила его – это же надо, мог бы просто убить, так нет, хочет сделать это красиво, чтобы порадовать толпу. Ну ладно, будет тебе «красиво»!

Без труда увернувшись от лезвия, Кондор присел и легонько взмахнул своим посохом, стараясь сделать Ноду подсечку. Не заметив наигранной медлительности соперника, Зверошип мягко подпрыгнул, уходя от удара и снова взмахивая «виссаком». Удар, направленный теперь в грудь Страннику, ранил лишь пустоту. Очередь Кондора. Проведя серию зрелищных, но совершенно бестолковых ударов, он отступил, давая возможность порезвиться и Ноду. Тот не заставил себя ждать, осыпав «брошенного» настоящим ливнем изящных ударов, способных искромсать любого в мелкий фарш. Но вот только фарш из Кондора у него почему-то упорно не получался. Нод злился, Кондор развлекался. Странно, но сейчас он не испытывал ни капли жалости к своему противнику, готовому выпустить кишки любому, чтобы получить почет, славу и тугой кошелек звонких монет, за которые деревенский рыбак должен был целый год торговать рыбой, сбывая не меньше чем по две корзины в день. А этому стоило лишь один раз удачно взмахнуть топором, и все готово. И пусть не говорит, что деньги идут на прокорм

его семьи. У таких, как он, семьи не бывает, только любовницы. Но если они и будут горевать, то не по нему, а по его кошельку.

В очередной раз раззадорив себя подобными мыслями, Кондор решил заканчивать представление. Больно Ноду не было. По крайней мере, Кондор постарался сделать так, чтобы свести страдания соперника к минимуму. Сделав еще одну, на сей раз реальную подсечку посохом, Странник не стал дожидаться, пока изумленный внезапной ловкостью противника Зверошип грохнется на песок, а преодолел то небольшое расстояние, что разделяло их, и практически незаметным для окружающих движением свернул бедняге шею. На песок упало уже мертвое тело, хотя многие еще не поняли этого. Лишь обладающий уникальным слухом Кондор услышал в общей какофонии голосов, как довольно крикнул сидящий в первом ряду Якистеса Серебряный. Кондор не разочаровал его. Толпа шумела еще с минуту. Кто-то призывал Нода подняться, другие злорадно улюлюкали, третьи просто насмехались над неловкостью Зверошипа. Глупцы. Они думали, что он просто потерял сознание.

Когда же пришло понимание случившегося, наступила тишина. В смерть непобедимого Зверошипа, выстоявшего сорок три боя, не мог поверить никто.

– Проверьте, не может же он быть мертв, – распорядился кто-то.

Оттолкнув Кондора, к Ноду подбежали два стражника. Склонились, пощупали пульс, послушали сердцебиение, не доверяя друг другу и поочередно прикладывая ухо к груди. Наконец, так толком и не поняв причину смерти, растерянные и поникшие, они поднялись на ноги и оповестили зрителей о гибели великого воина.

Люди продолжали молчать. Недоуменно глядя то на Зверошипа, то друг на друга, зрители силились понять, как так получилось, что они умудрились проиграть свои деньги и товары, будучи уверенными в стопроцентном выигрыше. Кондор даже развел руками, словно извиняясь перед толпой и говоря: «Я не хотел, просто так вышло».

Победно захохотал Якистеса. Неизвестно, что он ставил на бой и что в итоге обрел, но вид у него был такой, словно он внезапно стал императором Киштыра.

– Бой был нечестный! – прокричал, обращаясь к Якистесе, вскочивший со своего места высокий худощавый человек в дорогом одеянии.

– Вышли двое, остался один. Чем же нечестен такой бой? – усмехнулся Серебряный. – Сотни свидетелей подтвердят, что Нода Зверошипа никто больше и пальцем не тронул!

– Неуклюжая подсечка твоего бойца не могла свалить Нода с ног. Зверошип оступился сам. Оступился и случайно свернул себе шею, – настаивал худощавый.

– Но в итоге он мертв. Разве не таковы условия сделки? – с деланным удивлением спросил Якистеса.

– Но ведь было сказано: «Если твой боец одолеет моего», – продолжал упорствовать худощавый, потрясая руками, неподъемными от изобилия перстней и браслетов. С кем же заключил сделку Серебряный? – Нод с таким же успехом мог свернуть себе шею еще перед боем. Разве тогда победа была бы твоей?

Поняв, какую непростительную глупость совершил, Кондор бросил беглый взгляд на Якистесу. Тот ответил ему немой холодной яростью. Похоже, у него срывалось что-то действительно крупное. Пора было вмешаться и исправлять свою ошибку.

– Нода Зверошипа убил я! – прокричал он, стараясь выглядеть оскорбленным и возмущенным до глубины души. – Никто не отнимет у меня этой победы!

– Замолчи, слизняк! – прошипел худощавый. – Ты – никто. До сегодняшнего дня мы вообще ничего не знали о тебе. Мы все видели, ты неважно дрался и не мог победить честно, а значит, победа не может быть твоей! Убирайся! Я изгоняю тебя с «Песчаных боев».

– Победа моя! – взревел Кондор, вкладывая в голос весь запас своего негодования.

– Бой не засчитан! – на сей раз поднялся Равновесчик, исполняющий на арене роль судьи.

Гул негодования и вздох облегчения. Кто-то снова терял деньги, а кто-то возвращал их себе. Похоже, довольных таким исходом было все же больше. Остальные просто смирились. По-настоящему недовольных осталось двое: Кондор и Якистеса. Необходимо было предпринимать срочные меры, пока дело не замяли, чего, несомненно, жаждал худощавый, мгновенно изменившийся в лице после вынесения удобного ему решения.

– Я требую вернуть мою победу! – взревел Странник с новой силой, потрясая поднятым над головой посохом.

– Иди, покричи где-нибудь в другом месте, – едко ухмыляясь, посоветовал худощавый. Но Кондор не собирался сдаваться так просто.

– Я требую нового боя! – проорал он, направляясь к Равновесчику. – Слышишь, ты! Я требую нового боя по старым ставкам. У вас больше нет лучшего бойца, но я согласен драться сразу с тремя, любыми, на ваш выбор. Полагаю, трое не смогут оступиться и сломать себе шею? Или, если поединка не будет, я призову Торговый суд. Пусть они решают, кто прав. Но я своей победы отдавать не собираюсь! Все поняли?! Теперь я жду вашего решения – Суд или поединок? И я не сойду с этого места, пока не услышу ответа.

В зрительских ложах снова воцарилась тишина. Сотни глаз были устремлены сейчас на Равновесчика, растерянно хлопавшего глазами и молча вопрошающего у стоящего неподалеку худощавого, какое решение предпочел бы он. Худощавый думал долго. И было над чем подумать. С одной стороны был Торговый суд, решению которого подчиняются все в Чингхору. И если Суд решит присудить победу Кондору, такое решение не принесет худощавому пользы. С другой стороны был повторный поединок, где ставки остаются прежними, однако шансы на победу увеличиваются.

Кондор выжидал. Пауза затягивалась. Поняв, что худощавый никак не может решить, Странник проговорил:

– Я не могу больше ждать. Собирайте Суд.

Подействовало.

– Я согласен на повторный бой, – поспешно проговорил худощавый, решив воспользоваться шансом на победу.

Глупец. Суд давал ему равные шансы на успех и проигрыш. А теперь Кондор мог ему только посочувствовать. Ему и тем трем бойцам, что будут выставлены против него. О боги, в какую кровавую авантюру втянул его Якистеса!

Кондор снова посмотрел в его сторону. Почувствовав на себе пристальный взгляд Странника, Серебряный одобрительно кивнул, давая понять, что он доволен и пока Кондор все делает правильно. Легче не стало. Наоборот, стало отчего-то тошно. Впервые за шестьдесят лет он участвовал в подобном и не представлял, что может случиться, когда Великий отшельник узнает о маленькой бойне, устроенной Кондором. Естественно, Якистесу это совершенно не интересовало. Да и как это могло интересовать его, если сегодня при помощи «брошенного» он готовился сорвать крупнейший куш в своей жизни. Интересно, долго он ждал, пока подвернется Темный странник, готовый поработать на него? Месяц? Год? Или идея пришла к нему в тот самый миг, когда «брошенный» предложил торговаться?

На арену тем временем вышли трое, принимая ликование вновь оживившейся толпы и благосклонную улыбку худощавого. Первый из степных кирвов. Длинноволосый, с золотым загаром, практически полностью скрытым под легкими медными доспехами. В руках кистень с увесистым стальным шаром на длинной цепи. Второй, как, впрочем, и третий, урожденный киштыриец. Среднего роста, средней комплекции, почти как Кондор. Грудь и спина защищены кирасой, руки обнажены до плеч, на голове облегченный шлем, защищающий лишь макушку и частично затылок. Из-под шлема торчат оттопыренные уши. В одной руке короткий меч, в другой ромбовидный щит – дерево, грубо обитое тонкой сталью. Третий, судя по всему, самый бывалый или же наиболее опытный из всей троицы. Могучий великан, на полторы головы выше

Кондора, с телом настоящего богатыря. И все это тело словно путаная карта неумелого картографа испещрено десятками, если не сотнями шрамов. В скольких битвах он побывал, можно было только предположить. Гигант предпочел остаться без доспехов, вооружившись тяжелым двуручным мечом.

Кондор сразу отметил великана как цель номер один, ибо его удар мог нанести существенный вред даже телу Темного странника. Несколько лет назад он самолично видел, как подобным мечом воин не менее крепкий, чем этот гигант, рассек пополам лошадь.

– Вот твои соперники, – победно проговорил худощавый, оборачиваясь к Кондору. – Что, не ожидал? Думал, после Зверошипа не найдется воина, достойного сразиться с тобой? Ошибаешься. Зверошип был хорош, но вовсе не одинок в своем мастерстве. Познакомься: Хартад, воин степей, на счету которого тридцать девять чистых побед. Большой Кифф, фехтующий своим двуручным «алматом» не хуже, чем жонглер тростью. И наконец красавец Луриша Тоз. Его любимое занятие – вспарывать животы и смотреть, как медленно и мучительно умирает его жертва. Кифф одержал сорок две победы, Луриша сорок семь. Сегодняшнюю победу они разделят на троих.

– Поражение, я полагаю, тоже, – улыбнулся Кондор.

– Больше сегодня никто не оступится, не надейся на это, – презрительно фыркнул худощавый.

– Согласен с тобой, – ответил Кондор.

Что же, они хотят крови, они получают ее. Он устроит им настоящее зрелище. Не такое долгое, как с беднягой Нодом, но достаточно эффектное и жестокое, чтобы все признали его полную победу.

Вот только когда бой наконец начался, все пошло совсем не так, как хотел Кондор. Первым, как и планировал, он атаковал здоровяка. Мгновенно преодолев разделявшее их расстояние, Странник взмахнул своим посохом, глубоко вгоняя его заостренный конец в подбородок гиганту. Тут же, не дожидаясь, пока тот упадет, он перехватил тяжелый меч, выпавший из могучей руки Киффа, и ловко метнул его в длинноволосого степняка, задав оружию вращательный эффект. Неизвестно, успел ли степняк испугаться, но его голова, начисто срезанная тяжелым клинком, упала лицом в песок, скрывая тем самым последние эмоции, отразившиеся на нем. С оставшимся в одиночестве любителем вспарывать животы пришлось немного повозиться. Парнишка оказался достаточно ловок и первые три-четыре мгновения пытался сопротивляться, однако он просто не мог состязаться с ошеломляющей скоростью «брошенного». Первый удар Кондор нанес по щиту, проминая стальную оболочку и ломая деревянную основу. Кулак правой руки, которым Кондор проделал это, недовольно отозвался мимолетной вспышкой боли, почти мгновенно угасшей. Не обратив на боль никакого внимания, Кондор ловко ушел от секущего удара противника и, перехватив уходящую в сторону руку с мечом, резко рванул ее назад. Послышался хруст костей, рука несчастного вывернулась локтем наружу, но закричал красавец Луриша спустя несколько секунд, когда завладевший его клинком Кондор плавно провел отточенным лезвием чуть ниже пупа соперника, выпуская на песок сопровождаемые кровавыми брызгами пузырящиеся внутренности. Пытаясь удержать уцелевшей рукой скользкие кишки, Луриша упал на колени, испуганно всхлипывая и пуская кровавые слюни. Арену «Песчаных боев» накрыла тишина. Столь молниеносного боя зрители не видели уже давно. И уж тем более никто не мог предположить, что одинокий воин, вооружившись лишь стальным шестом, ухитрится расправиться с тремя чемпионами сразу. Если все пройдет гладко и никто не догадается, что на арене перед ними один из проклятых богами и временем Темных странников, этот бой станет легендарным, хотя такой славы Кондор совсем не желал.

– Неприятно, правда? – зло спросил он, склоняясь над умирающим.

У него появилось вдруг странное желание не добивать воина, дав ему тем самым вкусить всю прелесть мучений, на которые он обрекал свои жертвы. Но все же что-то останавливало его от безумства, которым были поражены все вокруг.

– Эй, ты, – Кондор легонько ткнул Луришу в плечо. – Слышишь меня?

Несчастный оторвался от созерцания собственных внутренностей, взглянул на своего победителя. Посмотрел пустым, ничего не выражающим взглядом. Глаза умирающего безумца.

– Знаешь теперь, чего хотели те, кому ты вот так же выпускал кишки ради собственного удовольствия? – спросил у него Странник.

Умиравший молча кивнул.

– Хочешь того же? – Это был не вопрос. Предложение.

– Да, – ответить на этот вопрос Луриша предпочел вслух.

– Тогда держи. – Не размахиваясь Кондор по самую рукоятку вогнал короткое лезвие меча в грудь воину. На какой-то миг зрачки несчастного расширились, вылезая из орбит, а затем их медленно заволокла белесая вуаль смерти. Кондор оттолкнул бездыханное тело, поднял взгляд на притихших зрителей.

– Ну что, теперь вам достаточно крови?! – злась скорее на самого себя, чем на этих бездушных тварей, называющих себя людьми, прокричал Кондор. – Или нужно больше?! Тогда выходите! Вы все! – Странник обвел рукой зрителей, растерянных и молчаливых. – Выходите и почувствуйте на собственной шкуре то, что довелось испытать этим трем, дабы потешить вас.

– Остынь.

Тяжелая рука Якистесы легла на плечо Кондору. Странник резко обернулся, готовый убить и торговца, втянувшего его в это. Увидев решимость и гнев в его глазах, Серебряный совсем не испугался. Даже не отпрянул.

– Я сказал – остынь! – с нажимом, властно и уверенно повторил он. – Ты уже стал мясником сегодня. Хочешь стать еще и убийцей?

Кондор не остыл, но желание взглянуть на внутренности Якистесы подавить сумел. Хватит на сегодня. Действительно хватит.

Рука Странника непроизвольно разжалась. Окровавленный меч Луриши упал в песок.

– Вот и молодец, – похвалил его торговец.

– Я выполнил свою часть договора. Даже сверх того. Теперь ты выполни свою. Куда направился Тирагор, которому ты продал Гилану?

– Позже, – отрезал Якистеса.

– Немедленно, – прошипел Кондор. – Иначе даже твои золотокожие феи не успеют спасти тебя. Мы заключили сделку, не так ли? Или мне сказать этой толпе, кого ты выставил в качестве своего бойца?

– А ты настырен, – усмехнулся Серебряный, пристально глядя на «брошенного». – Ладно. Получай свой ответ, хотя я не понимаю, зачем тебе эта маленькая шлюшка.

– Не твое дело, – огрызнулся Кондор.

– Согласен, не мое. Два дня назад Тирагор отплыл в Фигранию, а оттуда намеревался идти с караваном через Красные пески в Шалт. Если поспешишь, через неделю нагонишь его там. И лучше тебе действительно поторопиться, потому что из Шалта он может направиться в Кирмию, и там ты его уже вряд ли найдешь. Могу даже дать совет – иди через Плешивые болота. Смертному там не пройти, место уж больно гиблое, а ты пройдешь. И сэкономишь как минимум двое суток. А то и трое. Но решать, конечно, тебе.

– Спасибо, я подумаю. И на этом все. Где моя одежда и «Дишмед»?

– Получишь их за городом, возле руин старого форта. Не хватало, чтобы кто-то проследил за тобой и заподозрил подвох. Мне сейчас лишний скандал не нужен.

– В город я вошел в своей одежде, – заметил Кондор.

– Тогда ты никого не интересовал. Теперь за тобой будут следить сотни глаз. Иди. И не беспокойся. Твое добро в целости и сохранности. Даже боевой посох, за который ты так опасался.

– Надеюсь. Иначе...

– Только не надо меня пугать, Кондор Артоволаз. Я умный человек и понимаю, когда нужно остановиться, – проговорил Якистеса. – Наша игра завершена. Надеюсь, мы больше никогда не встретимся. Признаюсь честно, я всегда недолюбливал вашу породу.

– Спасибо за откровенность. Но напоследок можно еще вопрос? Удовлетвори мое любопытство. Если не секрет – кто тот худошавый, что так не желал проигрывать, и что он все-таки проиграл?

– Вовсе не секрет, – улыбнулся Серебряный. – Эри Элтун, бывший хозяин Торговой Сарты. Благодаря тебе теперь хозяином Сарты являюсь я. Как считаешь, стоит это жизни четверых бойцов, убитых тобой?

Кондор не ответил. Он знал, что за обладание таким призом многие готовы долго шагать по трупам, и четыре мертвеца – действительно ничтожная цена за такую власть.

– Будь осторожен, – проговорил Странник вместо ответа. – Элтун наверняка захочет отомстить.

– Со мной ему не совладать. Я мог бы заполучить Сарту и другим способом, но тут появился ты, и я решил сделать это относительно честным способом, – улыбнулся Серебряный.

– Это и в самом деле лишь ОТНОСИТЕЛЬНО честный способ. Можно еще вопрос?

– Ты слишком любопытен, Артоволаз, – рассмеялся Серебряный. – Ладно, спрашивай.

– Кто ты? – спросил напрямую Кондор, глядя Якистесе в глаза.

Торговец не смутился, не растерялся. Для этого он был слишком самоуверен. Возможно, даже излишне самоуверен.

– А вот это тебе знать необязательно, – спокойно проговорил он.

Кондор не стал больше ничего говорить. Он не слишком рассчитывал на ответ. Просто повернулся и ушел с арены.

ГЛАВА 10

Спустя некоторое время, приняв в старом форте из рук посыльного свою одежду и предусмотрительно разряженный «Дишмед», Кондор тихо покинул Чингхору, намереваясь по суше опередить караван Тирагора и перехватить его в Шалте. Это было сложно, но Якистеса дал вполне дельный совет, и Кондор решил воспользоваться им. В Шалт вело три пути. Один долгий, сухопутный, отнимающий у пешего путника около десяти дней, второй морской, ведущий из Фигрании через Красные пески и занимающий в среднем около пяти дней. Но был еще и третий путь, теоретически довольно быстрый, ведущий напрямик через раскинувшиеся на севере Приозерья Плешивые болота, места мрачные и гиблые, источающие ядовитые газы и кишасшие смертоносными гадами: змеями, гигантскими пиявками и огромными насекомыми. Частично рассказы об ужасах Плешивых болот были всего лишь страшными сказками, что рассказывают на ночь доверчивым детям и не менее доверчивым взрослым. Однако многие, очень многие люди ушли и не вернулись с топких долин, чтобы подтвердить или опровергнуть эти сказки. Сегодня Кондор сам собирался исследовать эти проклятые земли, ибо он избрал третий, кратчайший путь, так никогда и не проложенный сквозь зыбкие топи. Он не был человеком, и гигантские пиявки, чья длина, по слухам, превышала длину руки взрослого человека, пугали его не больше, чем огородные слизни. Да и ядовитый газ, убивающий человека в считанные минуты, доставлял лишь легкое неудобство своим запахом, но не более того. Кондора не страшили укусы ядовитых змей, как и перспектива быть с головой утянутым в гниющую жижу, ибо, как выяснилось еще десятки лет назад, тело «брошенного» может прекрасно функционировать даже под водой, свободно «вдыхая» вместе с жидкостью любые находящиеся в ней взвеси, включая ил и тину. И при этом неплохо себя чувствовать!

Итак, болота не пугали Кондора, а экономия времени, по его расчетам, была действительно огромна. Ко всему прочему, это был единственный реальный шанс догнать караван Тирагора. Поэтому к вечеру, когда летнее солнце уже клонилось к закату, готовясь уйти на покой, Странник вступил во владения хитрых водяных и бестелесных навей, вдыхая первые, пока еще робкие «ароматы» гнили.

Как он и предполагал, идти оказалось чрезвычайно тяжело, даже для того, кем являлся он. Но разве бывают непреодолимые препятствия для Странников?

Ближе к полуночи он достиг Мертвой топи, места поистине мифического, ибо о нем складывались самые страшные сказания. Теперь Кондор двигался еще медленней, погрузившись в вязкую затхлую жижу по грудь и распугивая полчища жирных лягушек, болотных змей и юрких серых ящериц, проводящих время в бесконечной охоте за москитами, коих здесь обнаруживалось еще больше. Было заметно, что местные жители как могли выражали крайнюю степень недовольства внезапным вторжением чужака в их тихий мирок, но поделать с упрямым ничего не могли, ибо укусить или ужалить незнакомца для них не представлялось возможным. Слишком уж крепка для их жал, хоботков и зубов оказалась кожа Темного странника. Дважды Кондор умудрился провалиться в трясины, после чего приходилось выбираться, используя поистине нечеловеческую силу, что для человека, естественно, было невозможно. Особенно учитывая, что Кондор провел под водой столько времени, что обычный смертный успел бы захлебнуться раз двадцать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.